

ЦИКЛ ПОРЯДОК

КНИГА 1

ПОРЯДОК

ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ И ДОПОЛНЕНИЯ

МИСТИКА И ФИЛОСОФСКАЯ ФАНТАСТИКА

Artur De Stijn

18+

Artur Stin

Порядок

<https://litres.ru/74637432>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алекс собирается жениться на Элен, но мечтает о жизни за пределами родной деревни. Богатый странник предлагает обменяться телами: ему достанутся молодость и тихий дом, Алексу — состояние и свобода. Одного рукопожатия достаточно, чтобы изменить обе судьбы.

Чужая жизнь приводит Алекса в темницу, а поиски спасения — к встречам, которые меняют его представления о себе и устройстве мира. Чем дальше он идёт, тем труднее отличить собственный выбор от чужого замысла. И тем острее вопрос: какой порядок заслуживает того, чтобы ему следовать?

Основная история цикла в четырёх частях: «Перевоплощённый», «Перерождённый», «Первородный» и «Порядок». Дополняют её самостоятельный рассказ «Серый Ангел» и поэма «Тайная вечеря».

Содержание

Часть 1. Перевоплощённый	4
Глава 1 Обручальное кольцо	4
Глава 2 Обмен	17
Глава 3 Новый Рой	38
Глава 4 Чистилище	76
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Artur de Stin

Порядок

Часть 1. Перевоплощённый

Глава 1 Обручальное кольцо

Алекс сжимал в кармане обручальное кольцо и никак не мог решиться заговорить. Рядом на тёплой траве сидела Элен. Через несколько дней, на её именинах, им предстояло объявить о помолвке перед всей деревней — так условились родители. Но сейчас, когда они остались вдвоём, заранее обдуманное слово не шло с языка.

Лето подходило к концу. Прощальный луч солнца окрасил в малиновый цвет альпийские луга и крыши уютной деревушки неподалёку. Алекс искоса поглядывал на Элен. Только что она подарила ему ладанку с прядью своих пшеничных волос и теперь ждала ответа.

Оперевшись рукой о землю и согнув ногу в колене, он старался выглядеть непринуждённо, будто пригласил подругу на обычную прогулку. Но неуверенность сковывала его. Предстояло сделать давно обдуманный шаг, а он медлил и сам не понимал почему.

Элен покусывала кончики волос и нервно поправляла васьиковое платье. Её нетерпение становилось всё заметнее. Алекс поднялся, сунул руки в карманы и отошёл на несколько шагов, делая вид, что любитсся окрестностями. Кайма леса окрасилась в пастельные тона. Река, извивавшаяся между лугами и полями, вспыхнула в лучах заходящего солнца.

Вспомнилась недавняя уборка урожая. Скоро начнётся сезонная ярмарка, и в деревушку, стоявшую на оживлённом тракте между могущественными державами, опять съедутся купцы и путешественники. Их товары и рассказы всегда будоражили воображение Алекса.

Перед мысленным взором возникли лавки с удивительными товарами. Нефритовые болванчики, мирра, лаванда и ладан соседствовали с едой, которую готовили тут же на огне. Золотые украшения, усыпанные драгоценными камнями, изображали невиданных животных и растения. С прилавков и козырьков гроздьями свисали амулеты и талисманы неведомых культов — из камня, слоновой кости и незнакомых металлов.

Свитки и книги в дорогих переплётлах, написанные на неизвестных языках, обещали увлекательные истории, тайны и могущественное знание.

Особенно влекли Алекса атласы и карты. На искусно выделанном пергаменте и тончайшем папирусе были начертаны неведомые континенты и острова, государства с их столицами, городами и деревнями. Изысканные рисунки и ви-

тивеватые надписи звали в путь.

— О чём задумался? — вкрадчивый голос Элен вывел его из мечтаний.

Она нежно коснулась его руки, заставив обернуться.

— Что-то случилось? — В её голосе прозвучало беспокойство.

— Вспомнил ярмарку, — отстранённо произнёс он. Не в силах посмотреть подруге в глаза, Алекс скользнул взглядом по её хрупкой фигуре, будто впервые её увидел.

Элен выпрямилась. Алекс понял, что она ждёт совсем другого разговора, но снова заговорил о ярмарке, лишь бы оттянуть решительную минуту.

— Это всё, что ты хочешь мне сказать? — перебила она.

Алекс опустил взгляд на пшеничные локоны, ниспадавшие ей на грудь.

— А что ты хочешь услышать? — спросил он с внезапной, неуместной храбростью и поднял глаза. Голубые глаза Элен расширились от недоумения, алые губы обиженно надулись.

— Что значит «что»? — Она удивлённо посмотрела на двухметрового верзилу. Он с лёгкостью таскал тяжести, а теперь стоял перед ней как столб, расставив ноги и спрятав огромные руки за спиной.

— Не валяй дурака, Алекс! — Элен вызывающе посмотрела в его тёмно-карие глаза.

— С чего ты взяла? — Алекс машинально развёл руками.

— Посмотри на себя! — с негодованием крикнула Элен.

— Да что ты хочешь от меня? — с раздражением выпалил Алекс.

— Что я хочу? А ты чего хочешь? Неужели не понимаешь, как делаешь мне больно? Я для тебя игрушка?

— Да с чего ты взяла? — попытался перебить её Алекс.
— Что ты завелась? Успокойся.

— Успокойся?

— Просто успокойся и не кричи.

— Как мне не кричать? Ты валяешь дурака, делаешь мне больно и просишь успокоиться? Ты в своём уме, Алекс?

— Я-то в своём. Поэтому и предлагаю тебе взять себя в руки.

— Ты делаешь мне больно. Ты это понимаешь или нет?

— Чем?

— Ты не любишь меня! Тебе нравится делать мне больно? Всё, хватит с меня! Не трогай меня. Прощай!

Элен круто развернулась, вскинула подбородок и направилась домой. Опомившись, Алекс последовал за ней. Он не знал, что сказать, и даже не попытался её остановить.

До её дома на краю деревушки было недалеко. Алекс так и не нашёл оправдания своей нерешительности. Когда-то он точно знал, чего хочет: помогать родителям в таверне, унаследовать отцовское дело и жениться на Элен. Но с годами рассказы заезжих купцов и путешественников всё сильнее увлекали его. Вместо собственной жизни он начал мечтать об их уделе.

Элен вошла в дом, не проронив ни слова и даже не обернувшись. Постояв перед закрытой дверью, Алекс поплёлся к таверне. Он не успел сделать и пары шагов, как его окликнули.

— Алекс! — нарушил тишину знакомый баритон священника.

— Смотрю, ты не в духе, — подхватил гробовщик.

— Что за невзгода тронула твоё чело?

— Да, ясное дело, женщина!

— Спорим, я знаю какая!

Заливистый хохот раскатился по ночной улице.

— Ладно-ладно, — успокаивающе молвил падре, похлопывая товарища по плечу. — Не стоит наседать на мальчика в минуту упадка. Послушай, сын мой: уныние — смертный грех.

— Ну началось! — перебил его гробовщик. — Вечно ты со своими проповедями. Скажи проще.

— И то верно! — обрадовался упрёку священник. — Издержки работы: сам не замечаю, как перехожу на Святое Писание.

— Да что ты мне говоришь, я тебя как облупленного знаю.

— Ах, ну да! Алекс!

Пошатываясь, закадычные друзья подошли к Алексу. Подхватив его с двух сторон, они неспешно двинулись к таверне.

— Эй, пацан, что нос повесил? — залихватски спросил

гробовщик. — Никто же не умер, значит, и горевать не о чем. Подумаешь, женщина! Племя их такое: нас искушать, а потом нас же обвинять. Вон у священника спроси.

Святой отец, приложившийся в эту минуту к бутылке, живо включился в беседу, расплескав часть вина для причастия.

— Верно глаголешь, брат! Если бы не глупость Евы, толкнувшая простофилю Адама в сети Искусителя, ничего бы и не было.

— А так, — священник снова приложился к бутылке, — Бог узрел послушание и изгнал обоих из райского сада.

— Вот-вот! А потом эта деваха всю плешь проела дураку за то, что он её же и послушался, — вторил гробовщик, тоже редко отрываясь от бутылки.

— Ха! — прервал его священник. — До самой смерти этим попрекала!

— Да, она бедолагу упреками в гроб загнала.

— Хотя нужно отдать ей должное, — молвил священник. — Если бы не эта взбалмошная бабища, сидели бы мы в райском саду. Были бы лишены всех прелестей грехопадения. И работы у меня бы не было.

— Согласен! И брагу варить, и виноград сбраживать мужика она побудила. Вот и получили мы напиток, который так радует душу.

— Да и в грехе есть своя прелесть. Не будь первородного греха, не потребовался бы Спаситель, а значит, не было бы

нашей Святой Церкви. Если же не брать убийство, то прелюбодеяние с красавицей не так уж страшно.

— Во-во! Я бы сказал, что оно прекрасно!

Троица вразвалку шла по центральной улице. Бакалея, овощной магазин, пекарня, мясная лавка, аптека, цирюльня и банк уже закрылись. За ставнями затихали дневные заботы. Только из таверны ещё доносились музыка и голоса.

Нарядные вывески и ухоженные фасады говорили о заботе, с которой хозяева относились к своему делу. Запоздалые прохожие приветствовали троицу окриками или взмахом руки. Возле таверны толпились завсегдатаи и постояльцы, купцы и путешественники. Друзья смешались с ними и двинулись к дверям.

— Не заморачивайся, дружище, — ободряюще молвил Михаэль. — Чего только не бывает на этом свете. Люди встречаются, влюбляются. Кто-то расстаётся, кто-то женится.

— Суета и тлен! — перебил его Азазель. — Чего переживать по пустякам? Найдёшь другую или с этой помиришься.

— И то верно, — согласился Михаэль. — Главное — найти себя. Понять, к чему лежит душа, и не упустить важного.

— Всегда приходится выбирать, — вторил Азазель. — На двух стульях не усидишь.

— Вопрос лишь в том, какой путь из бесконечного множества ты увидишь и выберешь.

— Я тебе так скажу: главное — оставайся человеком.

— В хорошем смысле этого слова.

— Да и в плохом тоже. Только испив свою горькую чашу до дна и приняв уготовленное, ты гордо можешь зваться этим словом.

— Согласен! Человек — это звучит гордо, если он просветлённый человек.

У входа лица то проступали в падающем из окон свете, то снова исчезали в темноте. Внутри троицу оглушили музыка и гомон. Посетители пили, смеялись и закусывали горячей едой. Михаэль заметил хозяина и помахал бутылкой. Азазель поприветствовал его кивком. Алекса, замершего в проходе, мягко подтолкнули в спину.

Отец сидел за стойкой, мощный и грузный. Алекс приблизился к нему, пряча взгляд.

— Возвращение блудного сына, — провозгласил отец.

— Сдаём в ваши могучие руки, — отрапортовал священник.

— В целости и сохранности, — добавил гробовщик.

— Вижу, вижу, — сердечно проговорил Гоб. — Смотрю, ты не в духе, сынок. Что опечалило тебя?

Даже сидя, Гоб возвышался над окружающими. Крепкие руки и широкие плечи выдавали привычку к тяжёлому труду. Грубое лицо покрывали шрамы, но зоркий взгляд и понимающая улыбка располагали к нему.

— Ладно уж, всё знаю, — посочувствовал отец.

— Уже донесли, — пробурчал Алекс.

— Не думай так плохо о людях. Просто они любят болтать.

— Иногда мне кажется, даже слишком, — согласился Михаэль.

— Когда кажется — креститься надо, — съязвил Азазель.

— Ладно-ладно! Хватит куражиться, — отрезал Гоб. — Идите отдыхайте. С вас на сегодня хватит.

Радостно стукнув бутылками, друзья смешались с веселящейся толпой.

— Всё у тебя на лице написано, сын, — обратился Гоб к Алексу. — Что смутило твой выбор? Ты же с давних пор знаком с этой красоткой.

— Я сомневаюсь. Ты ведь многое прошёл, прежде чем здесь осесть. Видел дальние страны, бороздил моря и океаны, пережил предательство и невзгоды, сражался, созидал и только потом полюбил. А я? Я хочу быть похожим на тебя, отец, — со страстью выпалил Алекс. — Может, мне рано жениться?

Громогласный хохот Гоба заставил посетителей обернуться. Он махнул рукой, и в зале снова заговорили. Недолго подумав, отец ответил:

— Будь собой, родной. Быть другим — значит потерять себя. Как бы велик ни казался кумир, следуя за ним, ты не познаешь себя. Потому и сказано: «Не сотвори себе кумира». Ты молод, горяч и надеешься найти себя в странствиях. Но путей к истине бесконечно много. Будь верен душе и не

поддавайся соблазну.

Измученный Алекс уронил голову на стойку. Отец положил широкую ладонь ему на затылок и слегка растрепал волосы.

— Я люблю тебя и всегда буду любить. Не унывай и не бойся. Проси — и тебе дастся. Стучи — и тебе откроют. Помни: просторна дорога и широки врата, ведущие к гибели, но тесны врата и узка дорога, ведущая к жизни.

— Не понимаю, — всхлипнул Алекс, не поднимая головы.

— Всему своё время. Иди и отдохни.

Почувствовав нежное прикосновение, Алекс услышал полный заботы голос матери.

— Пойдём, сынок. Хватит на сегодня.

Алекс обернулся и бросился матери в объятия. Её тепло на время успокоило его мятущуюся душу.

— Мария, проводи парня в комнату, — услышал он голос отца.

В сопровождении матери Алекс поднялся на последний этаж. В отцовской таверне дела и домашняя жизнь уживались под одной крышей. Первый этаж занимали зал и кухня, второй и третий — гостевые номера. Мансарда принадлежала семье. Комнаты Алекса и родителей находились в противоположных концах. Рядом был кабинет Гоба с библиотекой, артефактами и другими диковинками. Гардеробную и свою комнату Мария содержала в безупречном порядке.

Внимательная к мелочам, Мария знала обо всём, что про-

исходило в доме и в округе. Разбираясь в чужих историях, она непременно докапывалась до сути. Статная, крепкая, заботливая хозяйка, она умела добиться от Гоба своего и часто смягчала его решения. Алекс давно замечал её сходство с Элен; от этого подруга становилась ему ещё дороже. Добравшись до кровати, он упал на неё не раздеваясь. Сочувствие в материнском голосе принесло покой.

— Ну будет тебе, будет, — нежно говорила она.

— Не терзай свою душу напрасно,
Не страшись ни врага, ни пути.
Даже в сумраке станет всё ясно,
Если свет ты сумеешь найти.

Не завидуй, не мсти, не сдавайся,
Не стыдись доброты и любви.
Оступился — вставай, возвращайся
И на помощь другого зови.

— Я о дальних дорогах мечтаю,
Этот дом для меня словно плен.
Я другую судьбу выбираю
И не знаю, люблю ли Элен.

— Ты уснёшь — и увидишь, как снова

Над землёю встаёт новый день.
Вспоминай же отцовское слово,
Если ляжет на сердце вдруг тень.

Алекс погрузился в сон. Перед ним открылась дорога, змеившаяся среди спелых пшеничных полей до самого горизонта. Ветер пробегал по колосьям, и они колыхались, словно море из золота и солнечного света. Под безоблачным небом дышалось легко и свободно.

Послышался детский шёпот. Кто-то звал на помощь. Алекс обернулся — и оказался во тьме. Поля и дорога исчезли. Он замер, боясь пошевелиться.

Алекс вытянул перед собой руки, но не увидел их. Он повернулся в другую сторону — и снова ничего не разглядел. Со всех сторон зашептали тысячи голосов. Чужие ладони касались его тела. Казалось, он опускается в чёрную воду: холод поднялся от ступней к груди и подступил к горлу.

Алекса охватил страх. Вспомнились дом, детство и Элен. Он хотел закричать: «Мама!» — но голос не слушался. Отчаяние пронзило сердце.

— Ты слаб! — раздалось из темноты.

— Малец! Как ты собираешься познать мир и себя, если беспокоишься о том, что не в твоей власти? Тщедушный, маловерный сопляк, живущий грёзами. Жизненный путь — это испытания. Только преодолев их, ты поднимешься к звёздам.

— Я... я... — затараторил Алекс.

— Возьми себя в руки, убогий.

— Ну хватит! — Неожиданно резкий голос матери прервал разговор. — Хватит, хватит... — повторяла она всё мягче.

Глава 2 Обмен

Очнувшись, Алекс увидел сидевшую рядом мать. За окнами пробуждалась деревня. Петушинные крики перекликались с лаем собак, блеянием, протяжным мычанием и хрюканьем. Скрипели несмазанные петли, переговаривались и покрикивали соседи.

— Пора вставать, мой милый, — ласково прошептала она. Аромат свежесваренного кофе на столике окончательно отогнал сон.

— Нас ждёт работа. Вставай, умывайся, одевайся. — Мария нежно поцеловала его в лоб, провела ладонью по заспанной щеке и расторопно вышла из комнаты.

Проводив мать взглядом, Алекс потянулся и сделал ещё несколько глотков кофе. Затем умылся, оделся и спустился в зал. Здесь уже вовсю работали: официанты сервировали столы, подсобные рабочие мыли пол, натирали мебель и посуду. Сквозняк из распахнутых окон и входной двери уносил ночную духоту.

Через проём для подачи блюд виднелась кухня. Мария проверяла свежесть привезённых продуктов и приглядывала за поварами. Запахи жаркого и выпечки разносились далеко за пределы таверны, привлекая не только постояльцев, но и проезжих с односельчанами.

Вместе с порывом ветра в зал вошёл путник и громоглас-

но объявил:

— Да, чёрт побери, а здесь всё как прежде!

Высокий, широкоплечий мужчина напомнил Алексу старого отцовского знакомого. В тёмных волосах, уложенных набок, серебрилась проседь. Аккуратная борода обрамляла выразительное лицо, в ухе поблёскивала внушительная золотая серьга. Чёрный костюм безупречного покроя дополняли цепочка на жилете и серебряный медальон на лацкане. Под воротником белой сорочки краснел галстук с драгоценной заколкой.

— Смотрю, ты, как обычно, явился без приглашения, — услышал Алекс за спиной голос отца.

— Да от тебя дождёшься, — ответил незнакомец.

— А ты что столбом стоишь? — обратился он к Алексу.

— Не признал.

Не дожидаясь ответа, гость уверенно направился к Гобу, вышедшему из-за стойки. Они крепко пожали друг другу руки и сели за ближайший столик.

— Я смотрю, ты всё в пути? Никак не уgomонишься, — с иронией произнёс отец.

— Нет моему мятежному духу покоя. Всё ищу пристанища.

— О, это ты, братец, махнул! Кто же ищет покоя в постоянном странствии? Уж, наверное, полсвета исколесил.

— Бери больше, — усмехнулся незнакомец. — Весь свет, и не один раз! Где я только не был! Столицы могуществен-

ных держав раскрывали передо мной врата. Их улицы увлекали в водоворот страстей. На базарах и в лавках можно было найти всё что угодно. Богатые одежды смешивались с лохмотьями в таком калейдоскопе, что рябило в глазах. Запахи еды, духов, человеческого пота, а кое-где и нечистот перебивали друг друга. А прелестницы! Одним взглядом горячили кровь.

— Ладно-ладно, не разжигай беспутства в моём сыне, лиходей.

Алекс стоял рядом с отцом и восторженно слушал гостя.

— Ты, я смотрю, всё-таки не признал меня, малой? Грешно не помнить друга семьи.

— Ну уж прямо друга, — пробурчал Гоб.

— Ну не врага же! Если бы не я, что бы ты делал? Только благодаря мне ты осуществил задуманное. Я сделал всю грязную работу — и вот твоя благодарность.

— Да уймись ты, — властно сказал отец. — Ты выполнил, что должен, а теперь куражишься по всему свету! Чего тебе ещё?

— Покоя, — произнёс незнакомец грубоватым голосом. От прежней непринуждённости не осталось и следа.

— Его нужно заслужить!

— Заслужить! Заслужить! Да чего ты ещё от меня хочешь? Разве я мало для тебя совершил? Сколько ещё маяться? Ты изверг! Других ты можешь обмануть, но меня не проведёшь. Любишь, когда всю грязную работу делают другие,

а сам остаёшься чистеньким! Весь в белом! Я знаю, каким беспощадным ты был прежде.

— Хватит! — Гоб вскочил из-за стола. От его рёва вздрогнул и гость, и все, кто сидел поблизости.

— Ты так ничему и не научился за всё это время, — сказал он уже тише. — Подумай. Все ответы в тебе.

Гоб обернулся к застывшему сыну и положил руку ему на плечо. Велел позаботиться о дяде Рое и, если тот пожелает остаться, дать ему комнату на их этаже.

Отец ушёл к себе. Алекс опомнился и спросил Роя, чем может услужить. Тот снова заулыбался, предложил парню сесть и позвал официанта.

— Кофе, стакан воды, бутылку вашего лучшего вина, жаркое, печённый в пряностях картофель, салат и хлеб.

Рой спросил Алекса, чего тот хочет на завтрак. Заметив его замешательство, велел подать то, что сын хозяина обычно ест по утрам.

Официант удалился, а Рой оглядел Алекса с ног до головы и удовлетворённо заметил:

— Знаешь, сынок, ты сильно подрос с нашей последней встречи.

— Простите, я тогда, видимо, был совсем мал и плохо её помню, — смущённо ответил Алекс.

— Да-да! Мне по пояс. Шаловливый такой.

— Наверное, — ответил Алекс, внимательно разглядывая гостя. В его облике и манере говорить было что-то загадоч-

ное. Запонки на белоснежных манжетах, кольца на мизинцах и безымянных пальцах, даже пуговицы пиджака — всё украшали непонятные знаки и надписи.

Тень за плечом Роя сгустилась и обернулась человеком. Это был его слуга: тощий, с невзрачным бледным лицом и таким презрительным выражением, что Алекс невольно поёжился. Шрам и бельмо на правом глазу делали его ещё страшнее.

— Я так понимаю, отец разрешил мне у вас остановиться, — вернул его внимание Рой.

На стол поставили завтрак. На сковороде шкворчала яичница с румяным беконом. Подали жаркое, противень картофеля с хрустящей корочкой, салат и лепёшки. К аромату кофе примешивался запах мяса в соусе. Рой первым попробовал еду и жестом пригласил Алекса присоединиться. Тот обмакнул край лепёшки в горячий жир и с аппетитом принялся за завтрак. Гость наблюдал за ним с добродушной усмешкой.

— Ну как? Вижу, тебе и самому нравится здешняя кухня.

— Честно? Да. А вам наши блюда не показались достаточно вкусными? Хотя после всех мест, где вы побывали, вряд ли наша кухня может вас удивить.

— Почему же? На мой искушённый вкус, вполне достойно. Передай матушке искреннюю благодарность за сытный завтрак. Конечно, блюда в лавках знатнейшего Вавилона были изысканнее. А напитки в кабаках Урарту — ох, как они горячили кровь!

— Простите, — смущённо перебил его Алекс. — Может, пригласим к столу господина, который стоит рядом с вами?

— Ах, не бери в голову, — отмахнулся Рой. — Он уже сыт. Ему ещё нужно перенести багаж в комнату, которую любезно предоставил твой отец. Но это позже.

Он повернулся к слуге:

— Мефисто, позаботься об экипаже и приготовь вещи. Я хочу с удобством устроиться в номере.

Внимательно выслушав поручение, подручный без возражений удалился.

— Так о чём мы говорили? — Рой отхлебнул кофе.

— Вы рассказывали о своих невероятных путешествиях, — ответил Алекс, чуть облизнув губы.

— Ах, ну да! — продолжил Рой, заметив живой интерес собеседника. — Древний Иерусалим всегда удивлял меня непримиримостью. Тамошние священнослужители готовы были распять каждого, кто хоть словом задевал их устои. И ведь распинали. Одна такая казнь глубоко запала мне в душу и навсегда изменила мою жизнь. Одного беспокойного иудея, чем-то похожего на тебя, буквально пригвоздили к кресту, а перед этим ещё прошлись плетью. И вся эта катавасия — из-за слов.

— Хотя вся человеческая, да и нечеловеческая жизнь от них зависит. Не зря говорят: «Вначале было Слово». Вот с него всё и закрутилось, до сих пор не остановить. Сколько людей пало жертвой неосторожно сказанного, сколько семей

распалось! Я вот и сам ещё расплачиваюсь за свою опрометчивость.

— Видимо, с этим связана такая эмоциональная реакция моего отца, — сконфуженно проговорил Алекс.

— Ну, в общем, в том числе.

— Вы уж не берите близко к сердцу. В общем-то, он добрый и миролюбивый человек.

— Это ты просто не знаешь, каким он был раньше. Хотя сейчас...

— А расскажите подробнее о вашем общем прошлом! Мне так интересно, каким он был.

Раздавшееся сверху громкое покашливание прервало их разговор.

— Ах, дружок, — помолчав, продолжил Рой, — с этим успеется. Я решил воспользоваться любезным предложением твоего отца и задержаться у вас на какое-то время.

— Простите мою назойливость, вы же с дороги, — спохватился Алекс.

— Ничего, малыш. Вижу, мои рассказы тебя заинтересовали. Ты, наверное, и сам хотел бы посмотреть мир?

— Ах, да! У нас столько путешественников останавливается! Я слышал, как они беседовали между собой или с отцом. Одни бороздили моря, переживали страшные шторма, стояли посреди океана в полном штиле. Другие шли с караванами через безжизненные пустыни от одного редкого оазиса к другому. Кто-то подвергся нападению, а кто-то сам

нападал.

— Да, малыш. Жизнь странника интересна, но опасна. На меня не раз нападали, желая завладеть моим богатством. Впрочем, я и сам не святой. Только отнимал у людей не деньги, а вещь куда более ценную — их обывательскую жизнь.

— Ах, кто бы забрал мою, дядя Рой! Я бы с удовольствием поменял свою однообразную жизнь на вашу.

— Ну-ну, парень. Желания сбываются. Главное — потом не кусать локти из-за упущенного. Разве тебе нечего терять? Таверна отца рано или поздно станет твоей. Родители будут скучать. Да и девушка наверняка есть — местная обольстительница, укравшая твоё сердце?

— Эх, ну да!

— О-хо-хо! Вижу, попал в самую точку. Ты даже в лице переменился. В чём дело, парень? Неразделённая любовь?

— Да нет. Мы с Элен любим друг друга.

— Ну вот! Да и имя какое — Элен.

— Да, но... Вчера я собирался сделать ей предложение — и не решился. Родители уже обо всём условились. На её именинах должны объявить о помолвке. Всё готово, кроме меня.

— А что так?

— Я всё брежу путешествиями. А помолвка, таверна, хозяйство, Элен — всё это прочно свяжет меня с домом.

— Эх, парень. Знаешь, как говорят: что имеем — не храним, потерявши — плачем. Подумай, нужно ли тебе это.

— Конечно! Я здесь как не в своей тарелке.

— Ну, раз так, давай попробую тебе удружить. Только потом на меня не пеняй.

— А что?

— Для начала я поговорю с Элен. Узнаю, что к чему. Может, у вас не всё так плохо. И ты подумай на досуге, взвесь всё, поговори с ней. Вечером увидимся. Если не передумаешь, тогда и обсудим. Есть у меня одна идея.

— Ах, дядя, да я хоть сейчас! Хотя... Вы правы. Как я всё брошу? Да и путь страшит. А Элен? Она ведь мне дорога. Как я её оставлю? И отец не разрешит.

— Вот тогда и разберёмся. А пока...

В дверях таверны уже стоял Мефисто с багажом в обеих руках.

— А пока проводи нас в мой номер. Мефисто, подбери и себе комнату. Конечно, не на хозяйском этаже, но поближе ко мне.

— Я бы предпочёл остаться с вами, мой господин, — неожиданно произнёс Мефисто.

— Ну-ну! Давай не артачься, — назидательно выговорил Рой. — А то ещё люди невесть что подумают. Ну так как?

Алекс вскочил и попросил гостей следовать за ним. Поднявшись по лестнице на самый верх, он привёл их в комнату рядом со своей.

Здесь всё было приготовлено для особо почётных гостей. Рой осмотрел убранство и искренне поблагодарил хозяев.

Попросив у Алекса прощения и сославшись на усталость, Рой закрыл дверь за собой и подручным. Вздуродоренный всем случившимся за утро и ещё не отошедший от вчерашних переживаний, Алекс собрался спуститься в зал. Но отец окликнул его из кабинета и попросил ненадолго зайти. Влетев в помещение, Алекс чуть не столкнулся с ним.

— Ну-ну! Смотри не расшибись.

— Прости, отец. Ты меня звал?

— Да, сынок. Будь поосторожнее с Роем.

— А что?

— Послушай. Я должен предостеречь тебя от опрометчивого шага, хотя выбор за тобой. Вижу, его истории взбудоражили твоё и без того беспокойное сердце. Я знаю, что ты стремишься уйти.

Алекс сразу же изменился в лице.

— Да-да, знаю. Всё у тебя на лбу написано, родной. Ты ещё не видел жизни, не знаешь, какими бывают люди. Опыт пойдёт на пользу, но принесёт и много печали. Без испытаний человек не станет собой. Я понимаю, тебе нужно пройти свой путь. И всё-таки любовь к тебе делает меня тревожным.

— Отец, отец... — Алекс обнял его и прильнул лицом к широкой груди. Рыдания сына ещё больше растрогали Гоба.

— Ладно-ладно. Иди занимайся своими делами. — Гоб отвернулся, пряча увлажнившиеся глаза.

— Спасибо, отец.

Алекс стремглав помчался вниз.

— Сынок! — окликнул его отец напоследок. — Запомни: путь вниз всегда легче, но ведёт на дно пропасти. Путь к звёздам труден, полон невзгод и опасностей, зато приводит к свету. Не поддавайся соблазну лёгкой дороги.

— Хорошо, отец, хорошо! — прокричал Алекс, не замедлив шага.

Работа быстро захватила его. Нужно было помогать в зале и на кухне, следить за порядком в номерах, выполнять отцовские поручения. В повседневной суете предостережения Гоба вскоре забылись.

День пролетел незаметно. Вечером одни постояльцы отправились в путь, другие разошлись по номерам или остались ужинать в таверне. Уставший Алекс вышел прогуляться.

За спиной раздался знакомый голос. Обернувшись, Алекс увидел Роя с Мефисто.

— О, мой дорогой друг! — приветливо воскликнул Рой. — Какая приятная встреча!

— Дядя! Как я рад вас видеть. Доброго вечера, Мефисто. Слуга ответил лёгким кивком.

— Как вы тут оказались?

— Так же, как и ты, — усмехнулся Рой. — Устроился в комнате и вышел прогуляться с моим верным спутником. Уютная у вас деревушка. Люди приветливые, доброжелательные. А домики какие аккуратные, с душой украшены. Рай!

— Мне тоже здесь нравится. Особенно на восходе или закате. Мы с Элен часто поднимались на тот пригорок. Оттуда видно, как всё меняется: резные ставни, белые и цветные фасады, черепичные и дерновые крыши. На солнце дома будто пряничные. Потом краски блекнут, всё погружается во тьму. А утром снова оживает.

— Как верно подметил твой ещё не замыленный взгляд, — неожиданно серьёзно произнёс Рой. — Тень придаёт свету форму. Посмотри, сколько оттенков! Яркий свет слепит, а в тени снова различаешь очертания. Казалось бы, тьма — а без неё и красоты света не увидеть.

— Право, не знаю, что сказать, — выговорил Алекс.

— Да и правда, что это я! — Рой опомнился и снова заулыбался. — Неважно.

— Так вот, я познакомился с вашими достопримечательностями. И должен признать: как бы ни были хороши окрестности и строения, прекраснее всего здесь женщины. Случай свёл меня с Элен.

Алекс уставился в землю, понуро опустив плечи.

— Ну-ну, ты чего, малец? Не стоит так расстраиваться. Хорошую девушку ты выбрал. Красивую, трудолюбивую... хотя и ветреную.

— Что?

— Да не бери в голову! Может, оно и к лучшему. Проще будет отправиться в путешествие.

— Элен? Ветреная? — растерялся Алекс. — Не может

быть! Моя Элен?

— Ой, что ты! Не она первая, не она последняя. Неверность в женской крови. Будь Елена верна мужу, разве началась бы Троянская война? А о ветрености мадам Помпадур ходят легенды.

— Но, но!

— Да успокойся, Алекс! К чему такие переживания? Ты же сам не решился на помолвку, — продолжал Рой, хитро поглядывая на него. — Да и мне, скорее всего, показалось. Скоро сам всё увидишь.

— Алекс! — Священник прервал Роя. — Что ты тут делаешь? И почему на тебе лица нет?

— И кто это рядом с тобой? — спросил гробовщик, как всегда сопровождавший приятеля на прогулке.

Фигуры двух закадычных друзей вынырнули из темноты.

— Смотрю, тебя здесь развлекают, — произнёс Азазель, не удостоив Роя и Мефисто даже взглядом.

— Невежливо перебивать людей во время беседы, — угрюмо заметил Мефисто.

— Это кто тут люди? — вызывающе гаркнул Михаэль. — Да и тебя забыли спросить.

— Фу, как некультурно, — протянул Рой. — Друзья твои совсем не знают правил хорошего тона.

— Тебя забыли спросить, — процедил сквозь зубы Азазель.

— Может, и забыли, — надменно ответил Рой. — Я во-

обще-то здесь гость. Хозяин, то есть отец Алекса, любезно пригласил меня задержаться.

— Ну-ну, — молвил священник. — Смотри мне.

— Что за фамильярность! А ещё священнослужитель.

— Эй, дядя! — вмешался Азазель. — Не перегибай, а то быстро тебе и твоему другу местечко на кладбище найду.

Воздух словно накалился от их неприязни.

— Это вряд ли, — уныло произнёс Рой.

Повисшую паузу тут же прервал Алекс.

— По-моему, мы не с того начали, — попытался примирить их Алекс.

— Мы-то с того, — произнёс Михаэль.

— Тебе бы, парень, поосторожнее с этим дядей, — добавил Азазель.

— Хотя, если отец допустил его до тебя, значит, так тому и быть, — произнёс Михаэль, словно разом утратив интерес к разговору.

— Пошли, сами разберутся, — сказал гробовщик и потянул друга за локоть.

Они направились к таверне: коренастый, широкоплечий священник и высокий, худой гробовщик. Их голоса доносились всё глуше.

— Нет, ты представляешь, какой гусь! — возмущался Михаэль. — И что он себе думает? Возомнил о себе бог весть что!

— Да ладно тебе, — успокаивал его Азазель. — Бог с ним.

Ты же всё понимаешь: раз отец допустил, значит, так надо. Человеку нужно пройти свой путь, иначе он не станет человеком.

— Да нет! Выделяется. И перед кем? Передо мной! В своё время...

— Да, знаю, знаю, — вторил Азазель.

— Нет, ты послушай! Вспомни: сам Светозарный не устоял перед моей мощью. И пал.

— То был его путь, его удел. Случившееся было дозволено. Мы многого не знаем. А если уж мы не знаем, что говорить об остальных?

— Ну, в общем, да. Что-то меня подловила гордыня.

— За это и здесь.

— Это да.

Они скрылись во тьме. Ещё немного — и голоса умолкли. Рой снова обратился к Алексу, словно ничего не произошло.

— Не заморачивайся, парень. Просто недопонимание. Видно, ребята не в настроении.

— Но я никогда не видел их такими.

— Не в духе, вот и наговорили чёрт знает чего.

На лице Роя появилась лукавая улыбка.

— Ах да! Мы говорили об Элен.

При имени любимой Алекс снова встревожился.

— Я ещё раз встречусь с ней и всё узнаю, — продолжил Рой всё так же сладко. — Думаю, мне удалось найти к ней подход.

— Не знаю, стоит ли. Я задел её чувства.

— Да брось. Ты мужчина, тебе и решать, как и с кем себя вести. Пусть другие под тебя подстраиваются.

— Но мне отец говорил другое.

— Я не говорю, что он неправ. Но посмотри: ты хочешь путешествовать, а они, думая лишь о себе, навешали на тебя обязательств. За домом следи, хозяйство веди, о родителях думай. Тут ещё баба эта появилась, указывает, что тебе делать. А сама! Все живут, как хотят. А где место Алексу и его желаниям?

— Ну да.

— Вот я о чём. Так и будешь всю жизнь думать о других — и что?

— А как же другие? Отец говорит: возлюби ближнего и врага своего, как самого себя.

— Вот и полюби себя. Думай о себе. А захочешь — поделишься с ближним. Да и то...

— Ну!

— Ну! Поживи для себя.

— Ты прав, дядя. Спасибо. Но как же Элен, дом, хозяйство?

— О, есть у меня для тебя выход. Но об этом потом. Пойдём домой, надо отдохнуть. Мне ещё кое-какие дела уладить. Мефисто, приготовь горячую ванну к моему возвращению.

Слуга прибавил шаг, обогнал их и бесшумно растворился в темноте. До таверны Рой и Алекс добрались не спеша.

Гость всё поглядывал на просветлевшее лицо юноши. Наконец он зевнул, сослался на усталость и ушёл к себе.

У Алекса кружилась голова. Ему мерещились затерянные в джунглях и горах города, за чьими стенами хранились несметные сокровища. Добравшись до спальни, он заснул с мыслями о богатстве, пирах и роскошной жизни.

Следующие два дня прошли за работой. Алекс занимался хозяйством, но обещание иной, беспечной жизни не выходило из головы.

Выполняя очередное отцовское поручение, он увидел на улице Элен с Роем. Они неспешно прогуливались и мило беседовали. Ревность вспыхнула с такой силой, что Алекс едва не бросился к ним. Но, спохватившись, поспешил домой.

Он подкараулил Роя у его комнаты. Ожидание казалось бесконечным и только распаляло злость. Едва гость появился, Алекс втокнул его в дверь.

Обвинения посыпались одно за другим. Рой слушал спокойно, даже с некоторым удовольствием. Это обезоружило Алекса. Выговорившись, он замолчал и обессиленно уставился на гостя.

— Успокойся, — сказал тот. — Объясни, что случилось.

— Я видел, — задыхаясь от волнения, произнёс Алекс. — Я видел...

— Что?

— Вы были вместе! Ты и Элен.

— И что?

— Она так мило беседовала с тобой! Так смотрела, так улыбалась! Даже позволяла прикасаться к себе.

— Успокойся, парень. Дыши глубже. Возьми себя в руки.

— Почему? Как она могла?

— Послушай. Просто успокойся. Я ведь говорил тебе, что поговорю с ней.

— Ты не понимаешь! Это был не просто разговор. Я знаю, как она держится с посторонними. А тут...

— Понимаю, тебя задело её поведение. Но я же говорил: она ветрена.

— Не может быть. Я её знаю.

— Нам всем кажется, что мы знаем других людей, а потом оказывается, что мы не знаем даже себя.

— Но!

— Получилось так: пытаюсь тебе помочь, я пару раз зашёл к ней на работу. Да-да, не смотри так, а выслушай. Она проявила ко мне живой интерес. Я понял её натуру и решил вывести на чистую воду.

— Но!

— Она сама стала со мной заигрывать. Я увидел, в какую трясику завлекла тебя эта плутовка, и нарочно пригласил её прогуляться. Чтобы ты и твои друзья всё увидели своими глазами.

— Как она могла!

— Ооо!

— Ты открыл мне глаза! Как я заблуждался!

— Что поделаешь? Не ты первый, не ты последний. Хорошо, сейчас узнал. А сколько их у неё было!

— Что ты сказал?

— Во-первых, отпусти меня. Во-вторых, успокойся. Я понимаю твоё негодование, но это не повод срываться на мне.

— Всё кончено! Меня здесь больше ничего не держит! Говори, что надо делать. Видеть её не могу.

— Ты подумал?

— Я всё решил.

Рой предложил ему сесть. Чтобы немного остудить пыл юноши, он начал издалека:

— Когда-то в странствиях меня посвятили в тайну древнего могущественного ритуала. Он позволяет двоим поменяться телами. Нужны только добрая воля и артефакт. Я вижу, в какое положение тебя поставили, и готов из сострадания отдать тебе своё тело. Только из любви к тебе и благодарности твоим родителям. Ты уедешь, сменишь обстановку, насладишься достатком. А я за тебя обо всём позабочусь. Да так, что комар носа не подточит. И не благодари.

Он отцепил от лацкана медальон в виде старинной серебряной монеты и снял перчатку с правой руки. На ладони виделось клеймо, точно повторявшее рисунок монеты. Рой положил её на отпечаток и протянул руку.

— Ты должен искренне захотеть занять моё место и пожать мне руку.

Алекс не раздумывал. Едва он сжал ладонь Роя, всё по-

меркло. Когда зрение вернулось, напротив стоял он сам — вернее, человек в его теле. Тот довольно улыбался и прятал в карман пиджака серебряную монету, снятую с чужой ладони.

— Ну вот и всё, — прозвучал собственный голос Алекса. Но слышать его со стороны было непривычно.

— Послушай, — спокойно продолжил его двойник.

— Ты потрясён. Во-первых, ты никогда не видел себя со стороны, потому и не узнаёшь. Во-вторых, теперь смотришь на мир моими глазами, к этому нужно привыкнуть. И, в-третьих, чтобы всё не испортить, тебе лучше немедленно отправиться в путь. Мефисто в курсе. Он проводит тебя до моего имения. Там под его присмотром и с помощью слуг ты окончательно придёшь в себя. Не говори ничего. Так надо.

В комнате появился Мефисто и сообщил, что всё готово к отъезду. Он взял Алекса под локоть и повёл вниз. Теперь юноше предстояло откликаться на имя Роя.

Новый Рой спускался к выходу словно в тумане. Его торопили, не давая опомниться. Он даже не заметил Элен, которая в глубине зала смущённо беседовала с Гобом.

— Пожалуйста, передайте Алексу, что я его жду, — встревоженно говорила она. — Не знаю почему, но мне так тревожно.

— Конечно, конечно, — успокаивал её Гоб.

— Я просто хочу его видеть.

— Я понимаю, дитя.

Мефисто усадил нового Роя в экипаж, запряжённый ло-

шадьями. Лишь когда за окном поплыли дома, тот понял, что уезжает бог весть куда, ни с кем не простившись.

У входа в таверну стоял прежний Рой — теперь Алекс. Он смотрел вслед карете, пока Элен не окликнула его. Тогда обернулся к девушке.

— Послушай! Тут произошло кое-что, что не дает мне покоя.

— Что же тебя потревожило, моя милая? — спросил Алекс.

— Твой знакомый. Помнишь? Рой.

— А, ну да!

— Он попросил меня тебя разыграть.

— Что?

— Мы были в ссоре, а он говорил, что ревность оживит твои чувства. Зря я поддалась на уговоры.

— Милая, не тревожься. Он уже уехал, а я ничуть не в обиде.

Экипаж с новым Роем скрылся в темноте.

Глава 3 Новый Рой

Карета неслась по грунтовой дороге, оставляя за собой шлейф пыли. За окошком боковой дверцы сменялись луга, пашни и озёра, окружённые бамбуковыми зарослями. Между полями вились речушки, перелески постепенно уступали место сосновому бору. Ещё недавно ничего этого не было в жизни Роя. Закрывшаяся за ним дверца словно отделила прошлое от будущего.

Он никак не мог осмыслить случившееся. Во рту пересохло, язык прилип к нёбу. Сквозь ржание лошадей, стук копыт и скрип рессор донёсся голос Мефисто.

— Господин Рой! — несколько раз повторил слуга, всё громче привлекая его внимание.

Не сразу поняв, что обращаются к нему, Рой собрался с духом и ответил срывающимся голосом:

— Да?

— Не считите за дерзость, но я советовал бы вам немного прийти в себя. В экипаже есть отличное спиртное.

Оцепенение давило на грудь и мешало говорить. Не дождавшись ответа, Мефисто продолжил:

— Справа от вас секция со спиртным. Коллекция там вполне приличная. Советую карфагенское вино из запасов Ганнибала: у винограда, что рос в тех местах, был особенный вкус. Или вам сейчас больше подойдёт крепкий грог? Есть и

коньяк, который вы приобрели ещё у Карла Великого, — будоражит кровь и освежает разум. А может, сладкий, тягучий ликёр? Лучшие мастера столицы приготовили его вам в дар.

— Благодарю, — с трудом выговорил Рой.

— Моя работа — заботиться о вас. И ещё советую сигару. Шкатулка там же. Заморский табак вместе с напитком облегчит ваше состояние.

Рой с детства привык доверять людям. Чужое разрешение сняло последние сомнения: теперь о последствиях словно бы отвечал Мефисто. Он с облегчением переложил на слугу эту заботу и принялся осматривать салон.

Роскошь окружала его повсюду. За небольшой дверцей нашлась ниша с напитками. Выбор был так велик, что Рой растерялся. В конце концов он взял самую нарядную бутылку.

Кофейно-сливочная сладость ликёра привела его в восторг. Прежде он только слышал о таком от путешественников и давно мечтал попробовать. Мечта сбылась.

От выпитого, дыма и пережитого кружилась голова. Чужое тело всё ещё мешало. Рой разглядывал тонкие пальцы, нежную кожу и ухоженные ногти. В руках не было привычной силы, позволявшей легко ворочать тяжести. Даже дорогая ткань костюма казалась непривычной.

Алкоголь притупил неловкость. Тревога постепенно уступала место бодрости.

— Ну как вам напитки, господин? — слышался сухой

голос Мефисто.

— Чудесно, мой милый Мефисто, — воодушевленно и радостно ответил Рой.

— Приятно слышать, господин. Надеюсь, табак тоже пришёлся по вкусу?

— О! Вполне! Благодарю! Я в полном восторге. Вы очень любезны, драгоценный Мефисто.

— Рад, что вам нравится. Хотел бы предложить небольшую остановку в одном из лучших отелей этой страны.

— Почему бы и нет!

— Правда, придётся сделать небольшой крюк.

— Конечно! Я полностью доверюсь вам.

— Как вам угодно, мой господин.

Мефисто умолк. Рой снова посмотрел в окно. Вместо лугов и полей теперь тянулись густые леса. Они покрывали склоны гор, в лощинах шумели реки. С дороги, взбиравшейся всё выше, открывались необъятные просторы.

За стволами вековых сосен темнела чаща. Оттуда веяло сыростью и свежестью. Неведомая опасность не пугала Роя — она только подстёгивала воображение.

Он опустошил ликёр и перешёл к терпкому сладковатому вину. Затем попробовал коньяк. Разгорячённый выпивкой и сигарами, Рой начал напевать. С каждым бокалом будущее становилось всё прекраснее.

Он видел себя на горных вершинах, за которыми скрывались богатые города; посреди моря, бросающего вызов

урагану; в пустынях, поглощающих зазевавшихся путников. На концах вражеских шпаг таилась смерть, но воображение неизменно дарило ему победу.

За подвигами следовали награды, пиры и беззаветная любовь красавиц. Толпы прославляли его имя. Могущественные люди просили о помощи. Сокровища сыпались как из рога изобилия, обещая жизнь без нужды и отказов.

— Господин! — Голос Мефисто доносился словно изда- лека. Повторяясь всё настойчивее, он наконец вырвал Роя из грёз.

— Господин Рой.

— Да, — хрипло ответил Рой.

— Мы приближаемся к отелю.

— Хорошо, — ответил Рой уже увереннее.

За окном замелькали постройки. Экипаж замедлил ход и остановился у входа с колоннадой и резными дверями, окованными бронзой. Огромное здание с множеством пристро- ек поразило Роя. Высыпавшие навстречу слуги окружили кар- рету: одни разбирали багаж, другие помогали Мефисто, тре- тьи распахнули дверцу перед гостем и проводили его в но- мер.

Апартаменты оказались роскошными. Рой огляделся и принял тёплую ванну. Только в такие минуты Мефисто оставлял его одного. Едва Рой закончил омовение, слуга по- явился вновь: встречи ожидал старый знакомый, господин Чрево. Отказываться было незачем. Следуя совету Мефисто,

Рой к назначенному часу спустился в ресторан, где его радостно встретил необычайно толстый господин.

— Милейший господин Рой! — пропел тот тонким, слащавым голосом.

Мефисто заранее объяснил Рою, как держаться на встрече. Выпитое тоже помогло: язык развязался, скованность исчезла, и Рой уже уверился в собственной значимости.

— Рад вас видеть, милейший, — солгал он.

— Чем обязан?

— Ну, как же!? Неужели вы меня не узнали?

— Конечно, узнал, — снова солгал Рой.

Мефисто знал правду об обмене и посоветовал ему не выдавать себя. Но одна ложь потянула другую. Прежде Рой старался не обманывать; теперь слуга оправдывал обман добрыми намерениями, а Рой уже и сам находил новые причины. Голос совести становился всё тише.

— Ну, слава богу! Надеюсь, ваша светлость тоже рады меня видеть? — пропел Чрево.

— Конечно, — спокойно ответил Рой, стараясь держаться в принятом тоне.

Любезность, которую к нему проявлял собеседник, пленяла Роя.

— Как же я рад, мой дорогой друг! Если бы вы знали, как я скучал! Как восхвалял ваши таланты перед людьми, которые рядом с вами — сущие посредственности! А вы, наверное, спрашивали: где мой любезный Чрево? Где утешение моей

души и радость сердца?

Рой расплылся в улыбке. Лесть тронула его до глубины души. Мефисто советовал держаться с незнакомцем сдержанно и учтиво, не переходя к любезностям. Рой уже забыл об этом.

— Конечно, я рад вас видеть! Да как не радоваться встрече с таким любезным человеком?

Не вспомнились ему и наставления отца: не принимать всё за чистую монету, особенно когда кто-то чересчур ласково ищет твоего расположения. Чрево мягко стелил, а Рой наслаждался каждой похвалой.

— Нет, вы даже представить не можете, как я рад! А если представите, всё равно ошибётесь. То есть, — поспешил поправиться Чрево, — это будет лишь сотая доля моих чувств. Я очень, очень рад вас видеть!

Прежде Рой не получал столько внимания. Теперь любезности, лесть и ласка не оставляли ему времени опомниться.

— Признаться, до нашей встречи я и не думал, что кто-то так меня любит, — ответил он и сам принялся льстить собеседнику.

— Конечно! Не сомневайтесь. Вспоминайте своего любезного Чрево всякий раз, как засомневаетесь. Кто любит вас так, как я? Да никто! Ни родители, ни возлюбленная. Только ваш Чрево.

— Чем же я могу быть вам полезен, мой очаровательный Чрево?

— Зачем обижаете меня разговором о полезности? Узнав, что мы остановились в одном отеле, я подумал: «Чрево, чем ты можешь услужить господину Рою?» Ничего не придумал и решил спросить прямо. Чем ничтожный Чрево может быть вам полезен, господин Рой?

— Вы меня смутили! Даже не знаю, что сказать.

— О, предоставьте эту возможность мне.

— Будьте любезны.

— Ужинали вы сегодня, мой ненаглядный?

— Нет.

— Ну вот! Предлагаю отужинать!

— С удовольствием.

— Тогда предоставьте всё мне.

Чрево провёл Роя к лучшему столику ресторана. Всё вокруг блистало дорогой отделкой и подчёркнутой роскошью. Рой смотрел по сторонам, почти не вдумываясь в происходящее.

Подошёл официант. Прежде чем тот успел спросить о заказе, Чрево принялся объяснять, какая честь выпала ему и всей этой забегаловке: они принимают господина Роя! Официант изобразил почтительное изумление. Чрево же, не теряя времени, заказал всё меню.

На столе не осталось свободного места. Мясо и рыба в заморских пряностях соседствовали с горячими и холодными закусками, супами, кашами и подливами. Свежий хлеб благоухал рядом с фруктами, которых Рой прежде не видел.

Между блюдами теснились бутылки. Дождавшись окончания сервировки, Чрево принялся угощать гостя.

— Вкусите, мой драгоценный, эту настойку, — лопотал Чрево. — Лечебные травы, лучший спирт! А к ней — редкие овощи в уксусе и острых пряностях. Молодое вино нынешнего купажа превосходно идёт с экзотическими фруктами. А вот это, вековой выдержки, непременно попробуйте с твёрдыми сырами.

Он едва успевал переставлять блюда и бутылки.

— Этот ликёр сладок, как переспелый фрукт. К нему специально для вас приготовлен ледяной шоколадно-сливочный десерт. И как же забыть коньяк? Крепкий, словно поцелуй прелестницы! Вы просто обязаны его попробовать.

Разные напитки смешались в голове Роя. Он объелся, опьянел и почти перестал понимать, что происходит.

— Господин Рой, я вижу, вам хорошо? — подобострастно спросил Чрево.

— Чересчур, мой милый Чрево.

— Может, соизволите попробовать молодого ягнёнка в собственном соку? Он прекрасно сочетается...

Закончить Чрево не успел. Роя вырвало прямо на стол. После этого он обессиленно откинулся на спинку стула.

— Что-то я неважно себя чувствую.

— О, бесценный друг, вас, наверное, сглазили! Или отравили! Негодяи! Как вы посмели? Я вас засужу!

На крик прибежал администратор. Он извинялся и уве-

рял, что об отравлении не может быть речи: ресторан посещают знатнейшие люди и члены императорской семьи. Но Чрево не унимался. Приглашённый метрдотель предложил всем успокоиться и разобраться на свежую голову. Пока же следовало зафиксировать происшествие на бумаге в присутствии властей.

Возбуждённый вином и подзуживаниями Чрево, Рой почувствовал себя оскорблённым. Он набросился на окружающих.

Посуда летела в стены и на пол. Рой хватал стулья, опрокидывал столы, бросал еду в слуг и представителей власти. Он крушил всё, до чего мог дотянуться. Мефисто с трудом выволок его из ресторана. Рой ещё долго бушевал, пока не потерял сознание.

Его уложили в кровать прямо в одежде. Проснулся он только к полудню. Голова раскалывалась, тело казалось тяжёлым и чужим. На то, чтобы подняться, не было сил.

— Как вы, господин Рой? — раздался заботливый голос Мефисто.

— Вроде ничего, — простонал Рой. — Всё болит. Что вчера было?

— Вы перегуляли в компании мистера Чрево. Набедокурили в местном ресторане. Привлекли внимание властей и даже некоторых членов правящего дома.

— Да?

— Да. Этот отель — любимое место отдыха наследного

принца.

— Похоже, я переборщил?

— Мягко сказано. Вы привлекли ненужное внимание. Впрочем, расстройством делу не поможешь. Отдыхайте.

— Дай мне что-нибудь от боли. Мне совсем не по себе.

— Как вам угодно. Кстати, мистер Чрево просится к вам. Что ему передать?

— Ох, я даже и не знаю. Мне так плохо.

— Сказать, что вы не примете? Он очень просил. И передал корзины со всякой всячиной.

— Ну, раз он так настаивает, то давай.

— Слушаюсь.

Несмотря на свои габариты, Чрево влетел в комнату с поразительной прытью и тут же склонился над постелью Роя.

— О, несравненный господин, я вижу, как вам тяжело! Всё из-за их неподобающего отношения к вашей персоне. Как они посмели? Вы непременно должны их приструнить...

— Потише, — устало перебил его Рой.

— Господин, великодушно простите своего глупого Чрево! Вам плохо, а я тревожу вас. Позвольте помочь.

— Будьте любезны, милый Чрево. Мне так плохо.

— Конечно.

Чрево достал из внутреннего кармана фляжку и ловко наполнил стакан густо-красной, словно кровь, жидкостью.

— Что это, Чрево? — с болью проговорил Рой.

— Это лекарство! Его вам надо принять. Только залпом.

Рой послушно осушил стакан и поморщился.

— Что это? Настойка? — удивился он.

— Конечно! — с добродушной улыбкой молвил Чрево. —

Не тужите, а просто прислушайтесь к своим ощущениям, и вы возблагодарите своего милого Чрево.

Откинувшись на подушку, Рой закрыл глаза. По телу разлилось приятное тепло. Когда Мефисто вернулся в номер, он застал новую пирушку. Заплетающимся языком Рой сообщил, что Чрево едет с ними. Все расходы приятеля он берёт на себя.

Затем Рой велел собираться: нечего оставаться там, где не умеют ценить гостей. Пока Мефисто готовил экипаж, они с Чрево продолжали есть и пить. До кареты Роя довели едва передвигавшим ногами. Путешествие возобновилось.

Экипаж снова мчался по грунтовой дороге, поднимая столбы пыли. Рой и Чрево вольготно устроились в уже привычном салоне. Пол был заставлен корзинами с провизией, которую заботливый спутник закупил за счёт Роя. Закупоренные сургучом кувшины пива пенились при каждом открывании. Бутылки вина, ликёров, настоек и коньяка позвякивали на ухабах.

Из корзин выглядывали сыры, копчёные колбасы, фрукты, банки с соленьями, зажаренная до хрустящей корочки курица, свиные рёбрышки, сваренные в маринаде языки и запечённые овощи. Всё это без остатка исчезало в дороге.

Рой почти перестал различать голод, сытость и опьянение.

Поначалу тело отвергало излишества, но постепенно привыкло к ним. Чрево ел наравне с ним, а когда Рой больше не мог, продолжал трапезу в одиночку. Постоянная забота спутника стала казаться естественной. Рой уже принимал его мнение за собственное.

— Милый господин Рой, почему же вы больше ничего не пробуете? — заискивал Чрево. — Здесь ещё столько всего!

— Больше не могу, милый Чрево. Да и, честно говоря, не хочу.

— Ну как же так? Я старался выбрать для вас самое лучшее.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Рой, не сумев сдержать отрыжку.

Такая несдержанность стала для него обычной. Безупречный костюм превратился в жалкое тряпье: на пиджаке, брюках и ботинках засохли пятна соуса и жира, белая сорочка посерела. Пуговицы были расстёгнуты, некоторые оторвались. От прежней щеголеватости не осталось и следа.

— Я понимаю, вы ещё не оправились от расстройства, которое вам причинили в отеле, — продолжал Чрево.

— Возможно, мой милый Чрево. Мне кажется, я пресытился. Мне так плохо.

— Доверьтесь своему милому Чрево. Всё от обиды. Вашу нежную, ранимую душу оскорбили, а тело отражает её переживания. Сейчас я помогу.

Рой не успел опомниться, как в его руке оказался бокал.

— Пейте, господин Рой, всё как рукой снимет!

Под серьёзным взглядом Чрево он осушил бокал. Скоро вернулось веселье. Дорога превратилась в мелькание картинок и видений. Рой то засыпал от хмеля, то просыпался, чтобы получить новую порцию еды и питья. Останавливались редко.

Во время очередной остановки он собрался выйти по нужде, но Чрево, а затем Мефисто удержали его. Оказалось, они приехали в усадьбу знакомой Чрево: нужно было привести в порядок экипаж и сменить уставших лошадей.

Вокруг цвели сады. Между деревьями и кустами с лиловыми, розовыми, алыми и белыми цветами вились аккуратные дорожки. Подстриженные газоны, пруды и беседки придавали естественному хаосу строгий порядок. В центре возвышался замок, сочетавший богатство с утончённостью.

Вышедший навстречу мажордом сообщил, что это земли графини Винер. Он осведомился о цели визита и положении гостей, ненадолго отлучился и вернулся с приглашением войти. Чрево оправил пиджак Роя, застегнул его сорочку и повёл под руку за слугой. Мефисто шёл сзади.

Внутри блестели золото и драгоценные камни, стены и мебель украшали редкие породы дерева. Навстречу гостям вышла хозяйка.

— Рада приветствовать вас в моём скромном жилище, — с подчёркнутой любезностью произнесла Винер. — Чем обязана неожиданному визиту?

— Мы не могли миновать владений столь благородной и очаровательной дамы, не засвидетельствовав почтения, — ответил Чрево, низко кланаясь. — К тому же нам нужно привести в порядок себя и экипаж.

— Ах, мой милый Чрево! — словно только теперь узнав его, произнесла Винер. — Вы всё так же обаятельны. А кто этот господин?

— Моя госпожа, имею честь представить господина Роя. Человека невероятных достоинств! А как он добр и щедр! Уверен, о его бескорыстии скоро будут слагать легенды.

Слушая Чрево, Винер плавно спускалась по старинной лестнице. Высокая, осанистая, в строгом синем платье мужского покроя, она внимательно разглядывала Роя. Тот показывался от выпитого, но при виде хозяйки словно протрезвел.

— Значит, господин Рой? — произнесла она. — Судя по словам Чрево, которому у меня нет причин не доверять, вы выдающаяся личность. Не так ли?

— Я? Да! — Рой попытался придать себе бравый вид. — Счастлив познакомиться с вами, миледи Винер. Не считите за вольность, но вы обворожительны. Особенно в этом наряде.

— Господин Рой, — смущённо вмешался Чрево. — Но так обращаться к госпоже Винер — моветон.

— Что? — вспыхнул Рой. — Вот как ты отвечаешь на мою щедрость? Всё понятно.

— Господин, вы неправильно меня поняли! — затараторил Чрево.

— Нет, правильно! — Рой заикался и с каждым словом злился всё больше. — Значит, вот как... Я! А ты... И это после всего!

— Ну-ну, господин Рой, — ласково произнесла Винер.

Она медленно обошла его, не отводя взгляда. Рой чувствовал, как в нём нарастает возбуждение. Разум понемногу прояснялся, выходя из хмельного забытья.

— Я... Это какое-то недоразумение, — пролепетал он уже смущённо.

— Конечно, недоразумение, — передразнила его Винер. — Я же вижу, вы большие друзья с мистером Чрево. Тем более он такого высокого о вас мнения.

— Ну да! Конечно, друзья, — с лёгким вызовом ответил Рой.

— Как приятно слышать, господин Рой! — тонко пропищал Чрево. — Какая радость! А я так переживал.

— Ну-ну, к чему слёзы? — надменно спросил Рой.

— Ну и ладненько! Вот и отлично, — мягко произнесла Винер.

— Какое благодущие явил господин Рой! Какая щедрость.

— Да! Это я! Я с тобой!

— Вы поразительный, неповторимый. Я бы сказала единственный.

— Ну конечно! Так и есть! Хоть кто-то увидел. Хоть кто-

то заметил! Хоть кто-то оценил.

— Не будет преувеличением сказать, что я поражена и даже покорена вашей обходительностью. Но не станем забегать вперёд. Для первого знакомства вполне достаточно.

Она хлопнула в ладоши. Тут же появились служанки.

— Проводите господина Роя в его комнату, — бесстрастно распорядилась графиня. — Помогите ему привести себя в порядок после дороги. Наш гость ни в чём не должен нуждаться. Его слуге покажите, куда перенести багаж и где отдохнуть. Дайте в помощь подсобных рабочих. А вашу комнату, мистер Чрево, я покажу сама. Мы давно не виделись, нам есть о чём поговорить.

— Вы так любезны, госпожа, — подобострастно ответил Чрево.

Служанки окружили Роя и проводили в роскошные апартаменты. Он не успел оглядеться, как ему помогли раздеться и отвели в соседнюю ванную. После долгой дороги горячая вода показалась блаженством.

Вошли две обнажённые девушки. Рой смущённо отвёл взгляд. Прежде он не знал близости: всё общение с женщинами ограничивалось невинными встречами с Элен и односельчанками. Теперь он не понимал, куда деть руки и как держаться.

Заметив его смущение, девушки переглянулись и тихо рассмеялись.

— Всё ли вам нравится, господин? — мелодично спроси-

ла стройная брюнетка.

— Может, у вас есть пожелания? — подхватила её светловолосая подруга.

Они подошли совсем близко. От нежных прикосновений и ласкового шёпота у Роя кружилась голова. Он уступил их ласкам, забыв и об Элен, и о пленившей его Винер.

Оставшись наконец один, Рой долго сидел в воде. Затем кое-как собрался с мыслями, вытерся и вернулся в комнату. Стол ломился от еды и напитков. В записке Чрево просил принять угощение в знак примирения.

Рой налил игристого вина и залпом осушил бокал. Служанки принялись одевать и причёсывать его к ужину с графией. За этим занятием их и застал Мефисто.

— Вы прекрасно выглядите, мой господин, — с толикой официоза подметил Мефисто.

— Спасибо, — рассеянно ответил Рой, любясь отражением в зеркале.

— Смотрю, о вас и без меня прекрасно позаботились.

— Вполне.

— Вам что-нибудь необходимо?

— Пока нет.

— Я могу быть свободен?

— Пока да. Но далеко не уходи, вдруг понадобишься.

— Слушаюсь.

Принарядившись, Рой прошёл в парадный зал. Хрустальные люстры, канделябры и свечи заливали его светом.

Сквозь витражи от пола до потолка виднелся парк. Картины, статуи и изящная мебель дополняли убранство.

Стол был накрыт без обычного изобилия. Рой уселся, ожидая Чрево и Винер. Вскоре появилась графиня в платье с глубоким декольте и открытой спиной. Она двигалась плавно и уверенно. Заметив изумление Роя, Винер едва заметно усмехнулась.

— Вы наивный человек, господин Рой, — с придыханием сказала Винер, подходя к своему месту.

Рой поспешил отодвинуть для графини кресло. Она приняла его ухаживания с благосклонной улыбкой.

— Вы галантный кавалер, господин Рой. Умеете обращаться с женщиной. Если нашлась такая, что этого не оценила, она полная дура. Простите за грубость.

— С вами трудно поспорить, моя госпожа, — ответил Рой, не отрывая от неё взгляда.

— Ну какая же я вам госпожа? — хихикнула графиня.

— Вы мой идеал. Я всю жизнь мечтал о такой, как вы.

— Какие громкие и поспешные слова.

— Нет! Поверьте мне. Я влюблен!

— Вы горячитесь. Не зная ни меня, ни моих дел, разбрасываетесь словами, смысл которых вам неведом, — с едва заметным холодком бросила Винер.

— Поверьте! Поймите! Я не хотел вас обидеть! Вы поразили меня в самое сердце. Я грежу о вас.

— Мне кажется, вы не думали обо мне, находясь в обще-

стве моей прислуги, — еле слышно прошептала она.

— Что?

— Говорю, вы торопите события. К чему такая спешка?

— Поймите, я богат! — громко заявил он. — По крайней мере, так сказал мой слуга, — добавил уже шёпотом.

— Что?

— Я богат! Я люблю вас! Будьте моей!

— Ишь, какой прыткий.

— Но...

— Возьмите себя в руки, милостивый государь. Вы в обществе знатной дамы, а не уличной девки!

Рой смутился, а затем разозлился: как она смеет так с ним обращаться?

— Прошу вас, графиня, не забывать, кто я!

— И кто же?

— Я... я... — Не найдя ответа, Рой замолчал и прикусил губу от обиды на неё и на себя.

— Ну ладно, — вдруг смягчилась Винер. — К чему эти слова? Я и так вижу: вы благородных кровей, не чета многим.

Рой не заметил, как за его спиной появился Мефисто и угрожающе посмотрел на графиню. Именно после этого она сменила тон.

— Поухаживайте за мной, как подобает галантному кавалеру, решившему покорить сердце возлюбленной.

— Простите мою оплошность! — Рой вскочил прежде прислуги. Одного жеста графини хватало, чтобы он подлил

вина или переложил ей кусок из общего блюда.

— Так как? — спросила Винер, пробуя ростбиф с обжаренной спаржей и молодым картофелем.

— Что? Чем я могу вам угодить?

— Для начала присаживайтесь.

Рой послушно вернулся на место, следя за каждым её движением.

— Значит, вы благороднейший и галантный кавалер, — продолжила Винер, выдержав паузу.

Молчание Роя и его взгляд подтолкнули графиню продолжить.

— Но рыцарь должен совершать подвиги ради дамы своего сердца. Так?

Рой растерянно кивнул. Графиня опять усмехнулась.

— Значит, жду от вас подвигов, мой милый. Всё в ваших руках. В том числе и моя благосклонность.

С молчаливого дозволения Мефисто служанки окружили Роя. Сам слуга незаметно удалился. Одна из девушек наклонилась к гостю:

— Не расстраивайтесь, господин Рой.

— Мы вас сегодня утешим, — шепнула другая.

— Ждите нас этой ночью, — сказала первая.

— И на этот раз без поблажек, — добавила её подруга и захихикала.

— Мы вдоволь наиграемся с вами.

— А вы с нами.

Рой покрылся испариной. Графиня наблюдала за ним с хищной улыбкой и делала служанкам знаки, понятные лишь им.

— На этом и условимся.

Винер встала, показывая, что разговор окончен.

Рой привстал, пытаясь её удержать:

— Прошу, постойте! Что же я должен...

— Подумай, мой благороднейший рыцарь сердца.

Графиня скрылась за дверью. Рой так и замер, не зная, что делать. Прикосновение к плечу заставило его обернуться. Рядом стоял Мефисто.

— Всего лишь я, ваш слуга.

— Что делать? Что же мне делать, Мефисто?

— Непременно найдёте выход, — усмехнулся Мефисто.

— А не найдёте — графиня подскажет. Или ваш друг, мистер Чрево.

— И ты туда же, Иуда!

Рой круто повернулся и ушёл к себе.

— Громкие слова. Но не тому, — негромко произнёс слуга ему вслед.

Добравшись до комнаты, Рой рухнул на кровать не раздеваясь. Он уже засыпал, когда явились служанки — теперь их было больше, чем прежде. Поначалу он отнекивался, но вскоре снова поддался соблазну.

Утро принесло похмелье и разбитость. Ночные гости угощали Роя не только вином, и теперь разум едва пробивался

сквозь дурман. Царапины и следы поцелуев напоминали о пережитом. По комнате были разбросаны вещи, ещё недавно ему незнакомые.

Отражение в зеркале разочаровало. Под глазами залегли мешки, отёкшее лицо потеряло прежние очертания. Становилось трудно дышать. Рой вздохнул, налил себе игристого вина и, кое-как одевшись, отправился искать Чрево.

Тот гулял в саду с графиней. Рой дождался, пока они расстанутся, и перехватил приятеля.

— Доброе утро, мой милый Чрево, — произнёс он с деланой улыбкой.

— О, господин Рой! Чем обязан такой чести? — подобострастно отозвался тот.

— Смотрю, вы с графиней хорошие друзья? — Рой уже отвернулся к удалявшейся Винер, словно собеседника рядом не было.

Чрево лишь самодовольно улыбнулся.

— Конечно! Не разлей вода, два сапога пара. А что? Могу чем-то помочь? Вы только скажите.

— Да-да! — заторопился Рой. — Мне нужно покорить её сердце и тело. То есть душу. В общем, ты понял.

— Конечно, понял. Как не понять. Столь красивый цветок, столь сладкий нектар ждет своего рыцаря.

— Вот-вот! И она вчера говорила о рыцаре. А я ничего не понял. Наверное, перебрал.

— О! Не беспокойтесь! Ваш любезный Чрево вам всё

устроит.

— Только не затягивай.

— Конечно!

Чрево оглядел приятеля. Помятый костюм был надет наспех, из-под незастёгнутых брюк выбивалась сорочка. Довольно хмыкнув, он вручил Рою початую бутылку полусладкого и удалился.

Вечером Чрево застал его среди ночных приятельниц и сообщил, что всё устроил — осталось только действовать. Рой кормил сидевшую у него на коленях девушку виноградом. На посетителя он посмотрел с досадой и заявил, что бестактность Чрево соперничает лишь с его отвратительной толщиной.

Тот словно не расслышал оскорбления. Извинился и оставил Роя развлекаться. Смех и крики ещё долго разносились за дверью.

Наутро опустошённость усилилась. Сквернословие и злоба стали для Роя привычными; он скрывал их лишь тогда, когда хотел понравиться, особенно графине.

Явившийся Чрево сразу попал под горячую руку, но, не придав значения ругани, сообщил об отъезде. Имение Роя находилось в предместье столицы. Там ему и предстояло покорить сердце Винер. Графиня согласилась ехать с ними: ей хотелось увидеть его владения. Мефисто уже собрал вещи и уложил в экипаж.

Услышав это, Рой едва не набросился на приятеля. Но

вспомнил, что Чрево не знает об обмене, и осёкся. Поблагодарив его за заботу, он позвал Мефисто и высказал тревоги о предстоящем визите гостей.

— Не беспокойтесь, господин Рой, — успокоил его слуга. — Около столицы трудно найти владения, сравнимые с вашими. Ваш особняк поспорит с домами самых состоятельных людей Империи. Да что скромничать: не всякий член императорской семьи может похвастаться такой архитектурой и убранством.

— Благодарю, Мефисто. А то я уже весь испереживался.

— К чему волнения? Скоро сами всё увидите. Экипаж готов, ждут только вас.

С помощью Мефисто Рой оделся и спустился к карете. Внутри мило беседовали Винер и Чрево.

— Мы заждались, господин Рой, — кокетливо произнесла графиня. — Как неучтиво заставлять даму ждать.

— Прошу прощения, — процедил Рой, плохо скрывая злость. — Всё нерасторопность моего слуги.

— Ох уж этот ваш Мефисто, — иронично сказала Винер. — Ну да ладно! Я думаю, мы его простили.

— Да-да, простим! — подхватил Чрево. — Он так заботится о вашем, а теперь и нашем благополучии. Посмотрите, как подготовил поездку! Превосходный слуга.

— Забирайте себе, если он вам так нравится, — пробурчал Рой.

— С удовольствием, — отозвался Чрево. — Но он так к

вам привязан. Почему вы не в духе?

— Да ну вас! — с обидой отмахнулся Рой. — Вы хвалите Мефисто, он хвалит вас. Все любят графиню. А я? Почему меня никто не хвалит? Это я подобрал вас на дороге, поил и кормил. А Мефисто — мой слуга, его и хвалить нечего.

Заметив укоризненный взгляд графини, Рой прокашлялся:

— Вы не поймите превратно, графиня. Вас любят и хвалят заслуженно. Но и обо мне забывать не стоит.

— Господин Рой, как вам такое пришло в голову? — взволнованно воскликнул Чрево. — Мы все вас любим! Конечно! Не переживайте. Всё будет хорошо. Правда, графиня?

— Конечно. К чему это ребячество? Не супьтесь.

Лицо Роя просветлело. Довольный собственным значением в глазах почти незнакомых людей, он снова заулыбался.

Экипаж покинул усадьбу и вскоре выехал на императорский тракт. Мелькавший за окном пейзаж уже мало занимал Роя. Поля, реки и леса стали лишь фоном, на который он отвлекался, когда утомлялся слушать Чрево.

Прежде вдохновение приходило к нему при виде заката или солнечных бликов на воде. Теперь настроение зависело от выпивки и табака. Воображение по-прежнему рисовало подвиги, но любознательности в грёзах оставалось всё меньше. Её вытесняли похоть, роскошь и жажда превосходства.

Разговор поддерживал Чрево, неустанно восхваляя Роя.

Графиня по большей части молчала. Рой всё меньше соблюдал приличия: громко рыгал, портил воздух и беззастенчиво сваливал вину на приятеля.

От бесконечной еды и выпивки лицо и тело одутловато распухли. Возвращалась одышка, к вечеру поднималось давление. Это ещё больше портило ему настроение.

Прежняя одежда едва сходилась на животе. Рой уже не пытался привести себя в порядок. Пятна на пиджаке и брюках, запах пота, внезапный сон посреди разговора — Винер с брезгливостью замечала каждую перемену. Только появившиеся за окном предместья столицы оживили компанию: поездка подходила к концу.

— Въезжаем в ваши владения, господин, — сообщил Мефисто через окошко.

Дорога спускалась с пригорка в долину. Внизу раскинулся огромный парк. Среди зелени возвышался замок; от него, словно лучи, расходились дорожки к остальным строениям. Цветы, кустарники и подстриженные газоны складывались в затейливые узоры.

Все невольно замолчали, разглядывая сменявшие друг друга беседки, рощи и пруды. Здесь каждая деталь занимала своё место.

— Какая красота! — нарушила молчание графиня. — Я поражена величием ваших владений. Посмотрим, чем ещё вы меня удивите.

Поражённый не меньше гостей, Рой словно протрезвел.

— Счастлив порадовать вас, моя госпожа. Пусть моё скромное жилище станет для вас местом отдыха и вдохновения.

— Благодарю! Вы очень любезны!

— Господин Рой очень любезен, — вмешался Чрево. — А какие владения! Я говорил, моя госпожа, что вы не разочаруетесь.

— Нечего добавить, я в восторге. Но впереди ещё сам замок. Посмотрим, чем он нас удивит. Вы ведь обещали покорить моё сердце, господин Рой? Первый шаг сделан. Поздравляю.

— Ваша похвала — песня для моего слуха, — обрадовался Рой.

Экипаж остановился у парадного входа. Пятиэтажный замок под пирамидальной крышей возвышался над окрестностями. Высокие окна впускали внутрь потоки света. Статуи и барельефы на фасаде изображали незнакомые Рою сцены. На одном толпа бросала камни в женщину, которую заслонял собой человек.

На другом человека распинали на кресте. На третьем заговорщики, склонившись друг к другу, обсуждали свои замыслы.

Слуги разобрали багаж и помогли гостям выйти. Внутри стены покрывали дорогие ткани с узорами, вышитыми золотой нитью. Статуи, картины и мебель свидетельствовали о богатстве владельца.

— Что ж, мой драгоценный рыцарь, вы удивили меня благосостоянием, — игриво произнесла Винер. — Но не думайте, что этого достаточно. Моё сердце не купить. Я не такая!

— О, господин Рой не из таких! — подобострастно заверил её Чрево.

— Конечно, не из таких! Вот мы и посмотрим, чем же он нас удивит.

Рой молча смотрел по сторонам, всё ещё не веря, что это принадлежит ему. Мефисто окликнул его со спины.

— Я не обманул ваших ожиданий, — шепнул он.

Впервые за долгое время Рой искренне обрадовался слуге.

— Благодарю! Спасибо! Я поражен! Это же чудо.

Мефисто пропустил восторги мимо ушей и спросил:

— Где пожелаете разместиться сами и поселить гостей?

— На твоё усмотрение. Выбери самые изысканные комнаты для всех нас.

— Как вам угодно. — Мефисто слегка поклонился и ушёл исполнять поручение.

Слуги проводили хозяина и гостей по комнатам. Впервые за долгое время оставшись один, Рой почувствовал усталость, которой, казалось бы, неоткуда взяться среди праздной жизни. Он опустился в кресло у открытого балкона. Солнце ложилось на кроны деревьев, ветер касался лица и забирался под одежду. Издали доносилось пение птиц.

Покой понемногу согревал его. Рой незаметно заснул. Ему снились отцовская таверна и дворовые мальчишки, за-

пах материнской стряпни, рассветы и закаты с Элен. Вспоминались работа, драки, первые удачи, отцовская похвала и материнская ласка. От этих простых картин сердце сжималось сильнее, чем от всего пережитого за последнее время.

Он очнулся уже под вечер и поспешно вытер слёзы. После сна тело стало легче, но желание уйти отсюда только окрепло. Рой сбросил грязную одежду и принялся ходить по комнате. Случайно встретившись со своим отражением, он отступил на шаг.

От прежнего статного человека почти ничего не осталось. Живот и бока обвисли, лицо распухло, под глазами залегли мешки. Волосы спутались. Тусклый взгляд пугал собственной пустотой. Роя охватила паника. Вернулась одышка, заколотилось сердце, закружилась голова. Боль в груди и тошнота заставили его опуститься на пол. Он смотрел в потолок и дышал, пока понемногу не успокоился.

На потолке была картина: измождённый человек в ветхой одежде стоял на коленях перед другим и протягивал к нему руки. Тот смотрел на него с прощением. Заблудший вернулся туда, откуда когда-то бежал. Рой вдруг ясно понял, чего хочет.

Он вскочил и принялся собираться. Вещи летели на пол, руки хватали то одно, то другое. Домой. Нужно вернуться домой.

Таким его и застал Мефисто: полуодетого, мечущегося среди разбросанной одежды. Слуга пришёл узнать о само-

чувствии господина и сообщить о праздничном ужине в честь его возвращения. Увиденное заставило его забыть заготовленные слова.

— В чём дело, господин? — растерянно спросил Мефисто. — Вы куда-то собрались?

— Да! — выкрикнул Рой. — С меня хватит. Я так больше не могу!

— Но что произошло? Кто-то из слуг задел ваши чувства? Успокойтесь, гнев пройдёт.

— Нет! Никто ни при чём. Просто устал. Больше не хочу так жить. Мне тяжело, понимаешь? Вот здесь. — Он указал на грудь.

— Но с чего? Что случилось?

— Не знаю. Трудно сказать. Само пришло. Я вдруг понял, что так нельзя.

— Хм, очень интересно, — хмыкнул Мефисто. — И что дальше?

— Я собираюсь домой!

— В таком виде? Вот так сразу, без подготовки?

— Да!

— Как скажете. Чем-нибудь помочь? Упаковать багаж? Подготовить экипаж?

— Да! Немедленно прикажи заложить карету.

— Хорошо. Но потребуется время.

— Как можно скорее.

— Как скажете. Что передать гостям?

Вопрос поставил Роя в тупик. Он неподвижно смотрел на Мефисто.

— Ну, скажи, что я уехал.

— Но вы ещё здесь. Обманывать нехорошо. К тому же они приехали по вашему приглашению.

— Не знаю. Скажи что-нибудь.

— Что именно? Наберитесь мужества. Пойдите и скажите им сами.

— Я?

— Вы. Ваши же гости. Негоже бросать их на пороге. Сообщите о своём решении и распорядитесь, что с ними делать. Оставить здесь? Или выпроводить?

— Ну!

Решимость Роя угасала. Растерянность снова брала верх.

— Господин? — Мефисто привлёк его внимание. — Гости ждут.

— Но!

— Не ребячьтесь. Если уверены в решении, идите и сделайте задуманное.

— Хорошо. Только побудь рядом.

— С превеликим удовольствием, — усмехнулся слуга.

Мефисто помог ему одеться и проводил в празднично убранный зал. Посреди стоял стол с изысканными яствами и напитками. Запахи пробудили аппетит. Гости мило беседовали, но к еде не прикасались.

Увидев хозяина, оба умолкли. Выражение его лица заста-

вило их насторожиться.

— Что-то случилось, господин Рой? — сладко спросила Винер. — Вы сами не свой.

— Всё ли у вас в порядке, милостивый государь? — подхватил Чрево.

Рой застыл в дверях, не смея шелохнуться. Страх сковал тело. Прикосновение к плечу и шёпот Мефисто вывели его из оцепенения.

— Смелее, господин. Проходите.

Рой понуро двинулся к столу, а Мефисто обратился к гостям:

— У господина Роя есть для вас известие.

— Мы в нетерпении, — кокетливо отозвалась Винер. — Надеюсь, речь о подвигах, которые рыцарь моего сердца обещал совершить в мою честь?

Её взгляд снова поколебал Роя. Платье обнажало плечи и шею, на которой поблёскивало ожерелье. Винер слегка прикусила алую губу, и он уже не мог думать ни о чём, кроме её близости.

— Что же вы молчите, мой герой? — Графиня провела рукой от шеи к вырезу платья. — Здесь так душно. Наверное, от вашей страсти ко мне?

— Дорогой господин Рой, посмотрите, как она смотрит на вас, — подал голос Чрево. — Вы так этого ждали. Или ваша страсть поутихла?

Грозный взгляд Винер в сторону Чрева заставил его

умолкнуть.

— Как вы могли такое подумать? — вызывающе спросила она Чрево. — Господин Рой не мог ко мне остыть. Человек, который умолял меня приехать, убедил покинуть дом, уверял в своих чувствах, не станет обманывать надежды сердца, откликнувшегося на его зов.

Она умоляюще посмотрела на Роя:

— Ведь правда?

— Да-а, — едва слышно протянул он.

— Что? Не расслышала. Похоже, вы уже не уверены в своих чувствах.

Винер закрыла лицо ладонями и заплакала.

— Господин Рой, почему вы молчите? — засуетился Чрево. — Вы же так хотели! Просили меня... — Он осёкся. — Девушка плачет! Что вы стоите? Скажите хоть что-нибудь.

— Я... — промямлил Рой.

— Смелее, господин, — послышался за спиной голос Мефисто.

Нервы не выдержали. Рой подскочил к столу, один за другим осушил несколько полных бокалов и бросился к рыдающей графине. Обняв её за плечи, он стал успокаивать:

— Прошу, успокойтесь! Это недоразумение. Я здесь, с вами. Вы любите меня. Я так счастлив!

— Вы что-то скрываете! Хотите бросить меня? — выпалила Винер. — И это после всех обещаний? Предатель!

— Нет! Нет! Успокойтесь! Прошу вас.

— Как мне успокоиться? Вы разбили моё сердце! Животное!

Рой не знал, как её унять. Он отхлебнул из графина крепкого напитка. Хмель придал ему внезапную смелость. Набрав ещё глоток, он прыснул им в лицо Винер. Та мгновенно умолкла. Капли стекали по лицу, шее и груди. Рой замер с графином в руке.

— Вы... Вы... — растерянно повторяла графиня.

— Это всё ради вас, — сказал Рой первое, что пришло ему в голову.

Наступила тишина. Потом Винер громко рассмеялась.

— Такого ради меня ещё никто не делал! Браво, мой рыцарь! Наконец-то поступок! Какие у вас ощущения? Свои я уже знаю. Обдать даму сердца вином, которое не каждому выпить доведётся! Ха! Брависсимо. Вы меня удивили, галантный кавалер.

— Я... В общем... — Рой осушил ещё пару бокалов. Напряжение не отпускало, он уже не различал, что пьёт. Напитки уходили в него, как вода в сухую землю.

— Ладно, мне нужно переодеться, — иронично сказала Винер. — Больше никого не поливайте. И негоже так обращаться с редкими напитками. Чрево, проводите меня.

— Конечно! Сию же секунду, — подобострастно сказал Чрево, подхватив графиню под локоть.

Рой растерянно смотрел вслед гостям. Затем перевёл дыхание, выпил ещё и вышел на балкон. Он закурил, но дым

лишь усилил дурноту.

Из дома стремительно выбежал незнакомец и скрылся во тьме. Или померещилось? Рой устало прикрыл глаза. Его знобило. Вокруг шелестела листва, веяло ночной прохладой.

Он поднял голову. Над землёй сияла полная луна, звёзды рассыпались по небосводу. Ухала сова. Природа постепенно успокаивала его, но вдалеке слышались голоса.

«Мерещится», — подумал Рой.

Однако женский и мужской голоса снова пробивались сквозь шум. Иногда удавалось различить отдельные слова.

— Подумай своей головой... Ведь он уже захотел домой.

— И что? Ты видел, как он на меня смотрит. Он...

— Я не уверен. Ты видела, сколько он вылакал. В таком...

— Нет! Он в моей...

— Не стоит рисковать. Я уже послал...

— Не посоветовавшись со...

— Промедление смерти...

— Ты сам не знаешь, о чём...

— У нас нет...

— Из всех возможных... Ты выбрал...

— Он уже заведён... Осталось только...

— Только? Ты хоть представляешь, что будет!

— Именно поэтому...

— Ладно! К чему щепетильность? Мне уже всё надо...

— Я сам устал.

— Он мне противен.

— Нас могут услышать.

— Пошли.

Хмель мешал Рою понять, действительно ли он что-то видел. Шелестела листва, ухала сова. Мысли путались, ноги подкашивались. Он ухватился за балконные перила, переживая головокружение. За спиной раздался голос.

— С вами всё хорошо? — с тревогой спросила вернувшаяся Винер. Чрево стоял за ней.

— Вполне! — ответил Рой. — Правда, по-моему, я переборщил с возлиянием. Мне слышались голоса.

Он не заметил, как встрепнулись гости и каким взглядом обменялись.

— Вы что-то слышали? — взволнованно спросил Чрево.

— Ерунду. Вроде да, а вроде и нет.

— И?.. — не выдержал Чрево.

— Да нет, померещилось. Кто-то с кем-то выяснял отношения. Кого-то что-то достало. Кто-то на что-то решился. Сумбур, наваждение.

— Вот-вот, — мягко произнесла Винер, обращаясь к Чрево. — Что вы пристали к господину Рою? Не видите, он устал.

— И перебрал, — грубо дополнил Чрево.

— Зачем так грубо? — Графиня смирла его выразительным взглядом.

— Ох! Простите меня.

— Выпьем за мир, — предложила она, протягивая Рою

бокал и беря другой себе.

Зазвенели бокалы. Шутки и смех прогнали тревогу. Но с улицы донёсся шум: приехал незванный посетитель.

Двери распахнулись с грохотом. В зал ворвался крупный мужчина в форме. Ярость ещё больше огрубляла его лицо. Он отпихивал слуг, пытавшихся преградить ему путь.

— Да кто вы такие? Убрал свои скользкие руки! — горланно кричал он. — Не остановите! Все прочь!

Завидев графиню, он пришел в полное неистовство.

— А, всё-таки здесь! Я знал. Как ты могла? И это после всего!

— Послушай, — жёстко ответила графиня. — Я, по-моему, ясно тебе сказала...

— Нет! — перебил незнакомец. — Нет и ещё раз нет. Ты моя!

— Мишель, послушай, — произнесла Винер уже мягче.

— И слышать ничего не хочу!

— Сделайте же что-нибудь, — обратилась она к Рою.

Не дожидаясь ответа, Мишель подошёл к ней и обхватил за талию.

— Не упрямься! К чему эти игры. Ты же сама говорила.

— Рой! — не дала ему закончить графиня. — Сделайте что-нибудь! Помогите! Разве не видите? Вам всё равно? Не любите меня?

Рой растерянно смотрел на них.

— Трус! А называли себя моим рыцарем. Ничтожество!

— Да что ты устраиваешь? — удивился Мишель.

— Трус! Тряпка! Видеть больше тебя не хочу.

Рой сжал кулаки. Слова графини повторялись в одурманенной голове. Ярость на миг затмила всё. Когда раздался женский крик, он будто очнулся. На полу лежал Мишель. Изпод его головы растекалась кровь. В руках Роя дрожал тяжёлый канделябр.

— Что же вы наделали, господин Рой? — тревожно произнёс Чрево.

— Убийца! — завопила Винер. В комнату уже сбегались слуги. Почти одновременно с ними появились стражи правопорядка.

Рой выронил окровавленный канделябр. Грохот металла окончательно привёл его в чувство.

— Я не хотел! Нечаянно... — торопливо заговорил он. — Это случайность!

— Случайность? Вы сделали это нарочно! — кричала графиня. — Держите убийцу!

Рой безвольно опустил руки. Чрево уже что-то нашёптывал капитану стражи. Спротивляться Рой не стал. Его вывели из дома и усадили в полицейскую карету. Захлопнулась дверь.

Он почти не чувствовал оков на руках и ногах, не замечал тесноты и не понимал, сколько времени прошло. Лишь когда за ним заперли дверь камеры и из темноты раздался голос, он немного опомнился.

Глава 4 Чистилище

— Рой, это ты? — хрипло спросили во тьме.

Он удивился: в этом страшном месте нашёлся знакомый. Здесь пахло сыростью и нечистотами. Из единственного окна падал узкий луч, разделявший камеру надвое. За его пределами ничего нельзя было разглядеть. С потолка монотонно капала вода.

Рой застыл у входа. Поначалу его обрадовало, что кто-то узнал его. Затем он сообразил: узнали-то совсем другого.

— Рой, это ты? — повторил голос.

Он не знал, что ответить, и молча стоял у двери.

— Ты! Как оказался здесь? Какими судьбами? Человек с таким положением — и в этом месте! Вот новость. А я искал тебя.

В голосе звучала радость. Значит, давний знакомый не держит обиды — уже хорошо. Рой немного приободрился. Из угла поднялась тень и, шаркая, двинулась к нему. На свет вышел сутулый, измождённый человек в грязном тряпье.

— Дорогой Рой! Кто бы мог подумать, что встретимся здесь! Судьба, не иначе. Я столько тебя искал, а ты сам пришёл.

Человек крепко, насколько хватило сил, обнял его. Не почувствовав ответного движения, отстранился и всмотрелся в лицо.

— Ты ли это?

Он растерялся лишь на мгновение, а затем снова уверился:

— Ты, конечно ты! Это же я, Алекс. Не узнал? Присмотришь. Хотя что я говорю... Столько времени прошло, да и жизнь потрепала. Где я только не побывал! Приключениями это, правда, не назовёшь. Скорее недоразумениями. А здесь их вообще считают преступлениями. Ну да ладно. Главное — ты!

Алекс уткнулся головой ему в грудь и заплакал. Рой стоял неподвижно, не зная, как отозваться на это горе.

— Как долго я тебя искал, — проговорил Алекс сквозь слёзы. — Ну как ты? За что сюда попал? Присядь. В ногах правды нет.

Взяв Роя под руку, он отвёл его к своему месту в углу.

— Из удобств здесь только клозет, если это можно назвать удобством. Но даже тут найдётся, чему порадоваться.

Он помог Рою устроиться и продолжал говорить:

— Ты знаешь, как я жил. Всё было. Не так, как у богачей, но человеку хватало. А я не ценил, не дорожил тем, что имел. Теперь оплакиваю потерянное. Когда ты появился... У меня ведь...

Слёзы прервали рассказ. Рой слушал молча: каждое слово напоминало ему о себе прежнем.

— Дом, хозяйство, Элен, родители, друзья, будущее, — продолжил Алекс, справившись с собой. — Всё было. А по-

том появился ты. Я представил, что мечты наконец сбудутся: смогу путешествовать, увидеть свет, стать кем-то значительным. Ведь кто я был? Селянин. Что видел? Ничего. Ты предложил обмен, новую жизнь, полную приключений, женщин и богатства. А я не решился. Даже не успел ответить: ты взял и уехал. Зародил сомнение, разбудил мечту — и бросил.

— Сперва я подумал: ну и хрен с тобой. Стал жить как прежде. Женился на Элен, перенял дело родителей. У нас родились дети. Ох, какие дети... Но каждую ночь я мечтал о несбывшемся. Что было бы, если бы?.. Я видел себя мореплавателем, открывателем тайных земель, покорителем сердец. Устраивал пиры, на которых редкое вино текло рекой. Всё это у меня было — в голове. А настоящую жизнь я постепенно возненавидел. Начал пить, скандалить, срываться на Элен и детях.

Слёзы снова потекли по его лицу. Рассказывая, он ходил из стороны в сторону, но сил становилось всё меньше, голос слабел.

— Я сам всё испортил. Пил, ругался с теми, кто меня любил, и даже не понимал, что творю. Считал себя правым. Всё больше убеждался: виноваты они. Тянут меня вниз, держат на месте. Без них я мог бы стать...

— Кем?

— Кем угодно. Пил и думал об упущенном. Мечтал о другой жизни.

Рой разглядывал измождённое лицо. Спутанная борода,

пересохшие губы, шрамы, перебитый нос — и что-то мучительно знакомое. То, что он прежде видел в зеркале. Рассказ стоял перед глазами. Неужели этот человек — он сам?

«Как такое возможно? — думал Рой. — Как я мог стать таким? Нет, это не я. Элен, дети, семья... И всё закончилось здесь? Наваждение?»

Ущипнув себя, Рой почувствовал боль.

«Нет, не может быть. Даже выбрав другой путь, я пришёл сюда же. Кошмар. За что? Зачем?»

Он снова посмотрел на Алекса. С каждой минутой рассказ ужасал его всё сильнее.

— День за днём я всё больше ненавидел себя и их. Пил, перестал следить за таверной. Всё хозяйство и детей свалил на Элен. Стал поднимать на неё руку. Боже...

Алекс закрыл лицо ладонями и зарыдал. Его затрясло. Не сразу успокоившись, он продолжил:

— Да, посмел. Потом и на детей. А она терпела. Я её не стоил, но тогда думал только о себе. И вспомнил тебя. Хотя не забывал ни на день. Решил: найду — и всё изменю. Бросил их и отправился в столицу. Понимаешь?

Он пристально посмотрел Рою в глаза. От этого взгляда стало страшно.

— Понимаешь?

Не дождавшись ответа, Алекс отвернулся и снова уставился в темноту.

— Я взял часть накопленных денег, написал Элен, что мне

нужно время найти себя, и уехал.

Видя недоумевающее лицо Роя, он принялся оправдываться.

— Знаю, не должен был их брать. Но лишь часть, понимаешь? Не всё. Я тоже имел на них право. Таверна приносила доход, я оставил семью в достатке. Вижу, хочешь упрекнуть меня за записку.

Рой с трудом воспринимал эту исповедь. Он согласился на обмен — и оказался в темнице. Человек рядом отказался — и всё равно попал сюда. Но как? Как оба пути могли привести к одному концу?

— Должен был всё ей рассказать. Не решился. Подло с моей стороны. Я трус. После всего сбежал за лучшей жизнью, не принял собственной. А лучшее всегда было рядом.

— В столице я кутил по борделям, ел и пил, завидовал чужому богатству. Крал и обманывал, пытаюсь получить желаемое без труда. Завидовал всем — сильным, красивым, удачливым. Растратил и накопленное, и краденое. По своей несдержанности нажил раны и болезни. И вот я здесь. В отчаянии. Рой, что мне делать?

Рой мучительно пытался осмыслить услышанное. Щёлкнул замок, со скрипом открылась дверь. Тюремщик осмотрел камеру и поманил его.

Рой вяло поднялся и подошёл. Затрещина сбила его с ног. Над ним раздалась ругань:

— Ты обалдел? — гаркнул тюремщик. — Какого чёрта та-

щишься, когда тебя зовут? Запомни, собака: на каждый мой жест — немедленно реагировать. С радостью! Потому что достоин чести. Ясно?

Он ударил Роя под дых.

— Не слышу ответа!

— Да, — просипел Рой и получил ещё несколько ударов.

— Не слышу!

— Да! — громко повторил Рой и сплюнул кровь на пол.

Новый удар сопровождался отборной бранью.

— Кто позволил пачкать пол, тварь? В моём присутствии!

Где искренняя радость? погоди, я тебя научу!

От побоев тело немело. Стоило Рою попытаться увернуться, как удары становились яростнее. Наконец тюремщик устал, плюнул на него и велел идти следом. Рой с трудом поднялся с грязного пола. Его медлительность принесла ему ещё несколько тумачков.

На улице он впервые за долгое время почувствовал свежий воздух. Ветер обдал измученное тело, солнечный свет резанул глаза. Короткий миг свободы кончился у стоявшей неподалёку повозки. Роя затолкали в тесный ящик внутри неё. От затхлости перехватило дыхание. Стенки не давали пошевелиться, в темноте ничего нельзя было разглядеть. Повозка тронулась. На каждой рытвине тело бросало о доски, и боль вспыхивала снова.

Когда поездка закончилась, Роя выволокли наружу. Голова кружилась, затёкшие ноги не держали. Он рухнул на зем-

лю, но его тут же подхватили под руки и потащили дальше. Рой так и не понял, куда попал. Его бросили на пол. Он пытался прийти в себя; чей-то голос разносился по помещению гулким эхом.

— Встать!

Рой не пошевелился.

— Встать! — повторил безразличный голос.

Преодолевая боль, он поднялся. Перед ним открылся огромный, пышно убранный зал. В дальнем конце, на высоком возвышении, сидел судья. Он надменно оглядел узника и подал знак стоявшему рядом служителю.

— Вы удостоены чести предстать перед судьёй Каифой, находящимся на службе Его Величества императора Ирода Тиберия Кесаря.

— Граф Рой де Монфор, — раздался гулкий, усталый голос судьи. — Вы обесчестили себя, свой титул и род, посягнув на члена императорской семьи.

— Я? — растерянно переспросил Рой.

— Молчать! — пригрозил служитель. — Вам будет позволено говорить лишь тогда, когда Его Честь обратится к вам и потребует ответа.

— Но... — Удар между лопаток оборвал возражение.

Рой закашлялся. Перед глазами потемнело. Дождавшись, пока дыхание восстановится, он выпрямился и снова посмотрел на судью.

— Итак, господин Рой, — продолжил Каифа. — Пове-

лением императора Ирода Тиберия Кесаря вы лишаетесь графского титула и права именоваться господином. Убийство принца крови — посягательство на правящий род и самого императора. Едва ли нужно объяснять, как оно карается.

— К этому добавляется ваше недостойное поведение во владениях венценосной особы. Отель, где вы учинили скандал, и земли вокруг входят в домен правителя. Уже одного этого хватило бы для распытия, но вы пошли дальше. Ваши преступления, поведение, позорящее дарованный титул, и непомерные долги не оставляют мне иного выбора, кроме смертной казни.

Сердце сжалось. Приговор не укладывался в голове. Страх прорвался криком:

— Нет! Это не я! Я не де Монфор! Не хотел! Он угрожал, меня опоили. Всё случайно! За что?

Удары посыпались с разных сторон. Рой упал, но продолжал звать к милости:

— Пожалуйста! У меня дом, семья! Пощадите! Вы не понимаете, это не я. Я знаю, где он. Прошу, выслушайте!

Удар под дых оборвал мольбы.

Истекающий кровью, Рой пытался прийти в себя.

— Встать! — приказал служитель. — И молчать, пока не спросят.

Ноги не слушались. Рой упёрся дрожащими руками в пол и попытался подняться, но не смог.

— Поднимите, — безразлично распорядился Каифа.

Стражники подняли его под руки, однако ноги подогнулись, и он снова упал.

— Помогите ему, — сказал судья.

На этот раз стражники не отпустили Роя.

— Вы приговорены к смерти, — продолжил Каифа. — Но сегодня императрица разрешилась от бремени. Родился наследник. В честь этого события назначен Великий праздник: одного из приговорённых помилуют.

— Выбрать помилованного Кесарь поручил начальнику стражи и всех тюрем, Пилату, отметив тем самым его боевые заслуги. Ваше имя в поданном ему списке. Теперь жизнь зависит от удачи и его доброй воли.

С губ Роя стекала кровь. Каифа поморщился, встал и пошёл к нему.

— Рой, Рой... Когда-то я вам симпатизировал. Но вы, как многие, оказались слабы. Сколько получили от рождения: здоровье, титул, богатство. И что с этим сделали? Просрали. Я служил долго и упорно, прежде чем получил почести. Приходилось юлить, бороться, идти на подлость, унижаться. Сколько раз был на волосок от гибели! Рок уберёг. А вы, баловень жизни, не знавший нужды... По молодости подавали надежды. И во что выродились? Несчастный.

— Я... — просипел Рой, но последние силы покинули его.

Он потерял сознание. Очнулся уже в камере. На ранах запеклась кровь, тело ныло от синяков и ссадин. Прежний

мрак неожиданно успокоил: стены хотя бы отгораживали его от того, что происходило снаружи.

Из темноты донёсся голос Алекса:

— Ну, как ты?

Преодолевая боль, Рой собрался с силами:

— Да так.

— Круто они тебя. Ничего не сломали?

— Вроде нет.

— Хорошо. Хотя сейчас трудно понять. Не дёргайся, отдыхай. Чего от тебя хотели?

— Ничего. Сказали, что казнят.

— Ого! За что?

— За убийство, — безучастно ответил Рой.

— И кого?

— Принца императорской крови.

— Уф! Вот это да. И как это ты умудрился?

— Честно, не помню. Всё как в тумане.

— Я напился. Он ворвался, а дальше... Дальше не помню. Даже не знал, кто он.

— Да-а, — протянул Алекс. — Не повезло.

— Я думал о твоём рассказе. Вот странность: я тоже жил в деревне. У родителей была таверна, а мою девушку звали Элен. И меня зовут Алекс. Рой — человек, в чьём теле я нахожусь. Он остался дома вместо меня. Я согласился на обмен. И вот я здесь. Хочешь верь, хочешь нет.

В камере стало тихо. Только падали с потолка капли. Из

темноты выступило лицо Алекса. Он смотрел на Роя в упор.

— Ты шутишь? — недоверчиво спросил он.

— Нет, — безразлично ответил Рой.

— Да ну! Не может быть.

— Да.

— Нет.

— Да.

— Но как? То есть ты — это я?

— Сам не пойму.

— В каком смысле?

— Я жил, как ты. Помогал родителям в таверне, мечтал о путешествиях, встречался с Элен. Собирался жениться и перенять дело. Но однажды приехал знакомый отца. А я как раз не решился сделать Элен предложение. Она обиделась, а я всё грезил великим. Думал, она держит меня, тянет на дно. На деле я тянул себя сам. Тут он и предложил обмен. Я ещё ревновал её к нему... Поддался. Что уж говорить.

Алекс уставился в пол.

— Значит, ты не Рой? — спросил он после долгого молчания.

— Нет! Я не шучу, — вспыхнул Рой. — Не знаю, я ли это ты, или ты — я, или мы разные люди. Слишком многое совпадает. Как объяснить — не знаю. Но я Алекс. Не Рой! Он пришёл и к тебе, и ко мне. Только тебя почему-то оставил. И, в общем, хорошо. Посмотри, до чего довёл меня обмен.

— Моя жизнь не лучше, — съязвил Алекс. — И ты, и я

здесь. Неужели нельзя иначе? Это судьба?

— Не знаю, — опустошенно ответил Рой, уронив голову на колени.

Щёлкнул замок. Они разом повернулись к двери. Она со скрипом отворилась, и на пороге появился тюремщик. При виде его обоих охватил знакомый страх.

— Поднялись, — строго произнёс он.

Они без возражений поднялись.

— За мной, — велел тюремщик.

Они вышли в мрачный коридор, скупо освещённый факелами.

Лестницы сменялись переходами. На стенах плясали тени, сливаясь в причудливые образы. Рой вскоре перестал понимать, куда их ведут.

Могучая спина тюремщика загораживала проход. Глубокие складки бороздили лысый затылок; из-под доспехов выступали толстые руки и ноги. Он шёл вразвалку, шаркая, и эта неуклюжесть не вязалась с его жестокостью. Внезапно он остановился.

— Вести себя смирно. Без сюрпризов, а то... — бросил он, не оборачиваясь.

Тюремщик приоткрыл дверь. В коридор хлынули свет и свежий воздух. На мгновение Рою показалось, что он свободен.

За дверью был просторный зал с голыми стенами, широкими арками и высоким потолком. Лишь мозаичный пол на-

рушал солдатскую скромность. По углам стояли имперские знамёна. На видных местах красовались захваченные штандарты и военные трофеи.

Из-за угла вышел человек в парадной форме. Сбросив на пол белый плащ с красной подкладкой, он сел на простой табурет возле знамён и надменно посмотрел на узников.

— Знаете, кто перед вами? — спросил он командным тоном.

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Вам, рядовые, повезло увидеть победителя великих сражений. Его трофеи украшают этот недостойный их зал. Во главе многочисленной армии я преодолевал преграды, не зная усталости. Битвы в невыносимых условиях, переходы через неприступные места ковали мою славу, устилали путь к триумфу. Вам, гражданские, не понять прелести солдатской жизни.

Узники устало переглянулись. Погружённый в воспоминания о славе, полководец не замечал их равнодушия. Он вскочил и принялся расхаживать по залу, продолжая речь.

— Нашей добычей становились пленные, ценности и рабы. Пожары пожирали вражеские города и лагеря — услада для глаз! Мародёров в собственных рядах я карал беспощадно, вплоть до казни. Солдат имел право на долю добычи, но сколько и когда он получит, решал я. Вам, тыловые крысы, не понять вкуса победы.

— За эти победы император Ирод Тиберий Кесарь пожа-

ловал своему полководцу, Пилату Понтийскому, высшую награду: право миловать в мирное время. Приравнял в этом к себе! И когда? В честь рождения наследника! Теперь понимаете, кто перед вами? Одному из вас выпадет честь испытать моё великодушие. Один бунтарь, другой душегуб. Оба покусились на кровь и честь императорской семьи.

К Пилату подбежал слуга и что-то шепнул на ухо. Полководец ненадолго запнулся.

— Чуть не забыл, вас трое. Тем лучше. Неважно. Главное... — Он замешкался. — Главное — данное мне право. Я не намерен возиться с вашими делами. Мне омерзительно даже слушать о злодеяниях. Но я великодушен. Один выйдет на свободу и всю жизнь будет рассказывать детям о милости Пилата. А они — своим внукам.

Рой и Алекс недоумённо переглянулись. Пилат этого не заметил. Кого бы ни касалась речь, в центре неизменно оставался он сам: его слава, его прошлое и будущее. Наконец он обратился к осуждённым:

— Предоставляю вам самим решить, кого я помилую. У вас сутки. Потом Крысобою, — он указал на тюремщика, — придёт за ответом. Назовёте одного. Или он сам увидит, кто уцелел.

По его лицу скользнула зловещая улыбка. Рой понял, что за великодушием пряталась жестокая забава.

— Мне всё равно, — продолжил Пилат. — Сам я о вас руки пачкать не желаю. Смотреть, как передошлите друг друга,

тоже не стану, но узнать, кто победил и как, будет интересно. Я дарую вам сражение не на жизнь, а на смерть. Хотя немного поймёте, что чувствует солдат, обагряющий руки кровью врага. Конечно, настоящими воинами вас это не сделает. Но вкус победы познаете. И получите награду — жизнь.

Он подал знак тюремщику. Ему поднесли блюдо с водой. Пилат умыл руки и лицо, показывая, что недостойные его дела закончены, и покинул зал. Узники остались неподвижно ждать. За спиной стоял Крысобо́й. От него несло потом; его взгляд словно давил на затылок.

— Пошли, — прохрипел тюремщик.

Через коридоры и лестницы их отвели обратно. Знакомая камера снова обещала обманчивый покой.

Любой шорох снаружи, шаги или скрип глазка пробуждали страх. Внутри хотя бы ничего не менялось. В этой давящей тишине Рой и Алекс пытались найти выход.

— Уф! — устало произнёс Рой.

— Да, — выдохнул Алекс.

Они уселись рядом на холодный пол и уставились в окошко.

— И что будем делать? — спросил Рой, не поворачивая головы.

— Не знаю! Но я хочу жить.

— Я тоже, — бесстрастно отозвался Рой.

— Но у меня есть семья.

— И у меня.

— Но у меня жена и дети.

— Которых ты бросил.

— А у тебя и этого нет, — всё горячее говорил Алекс.

— И что? Мне от этого меньше хочется жить?

— Ну, послушай. Мне есть куда и к чему возвращаться.

— И что?

— Я могу всё начать сначала.

— И я!

— Я начну жизнь сначала.

— Не факт.

— Ты пойми, у меня уже есть жена и дети. Собственное тело. А у тебя что? Ничего этого!

— И что?

— Ты спасешь жизнь!

— И что?

— Что ты заладил, как попугай: «И что, и что»? — перешёл на крик Алекс. — На кону жизнь! Не понимаешь?

— Видно, ты своей сильно дорожишь.

— Да! И что?

— Вот и ты сказал, — отстранённо улыбнулся Рой. — И что?

Алекс вскочил, схватил его за грудки, приподнял и принялся трясти.

— Издеваешься? Да ты с ними заодно! — кричал он. — Подсадная утка! Тебя прислали забрать помилование, а меня отправить на заклание. Иуда! Всё понял. Теперь не про-

ведёшь!

Рой словно со стороны наблюдал за его истерикой. У самого не было ни сил вмешаться, ни воли сопротивляться. Перед лицом испытания он впал в уныние: прежде всегда находился кто-то, на кого можно переложить заботу. Теперь ждать помощи было неоткуда.

Алекс же метался по камере, не желая ни слушать, ни отвечать за себя. Страх смерти вытащил наружу всё, что оба так старательно прятали от самих себя.

Вдруг из глубины тёмного угла раздался тихий голос:

— Совсем вы потеряли человеческое достоинство.

Каждое слово давалось говорившему с трудом. По камере разносилось тяжёлое дыхание. Набравшись сил, он продолжил:

— Посмотрите на себя. Во что превратились? Жалкое зрелище.

— Да что ты о себе думаешь? — вскипел Алекс и бросился в угол. — Не понимаешь? На кону моя жизнь!

Он схватил человека за одежду, вытащил на середину камеры и принялся трясти.

На свету показался старик. Длинная свалывшаяся борода, редкие седые волосы, запавшие глаза, тонкие губы и редкие зубы. Тело под истрёпанной одеждой казалось скелетом, обтянутым кожей.

Алекс не ожидал, что тот так лёгок, и едва не выронил его. Опомнившись, он осторожно усадил старика на осве-

щённое солнцем место. Рой растерянно смотрел. Откашлявшись, старик продолжил:

— Молодо-зелено, — спокойно сказал он, без тени обиды.

— Вам многому нужно учиться. Но если выйти предстоит лишь одному, продолжить учение сможет только он. Вряд ли это буду я.

— В каком смысле — одному? — не понял Алекс. — Ты-то тут при чём?

— Вас вызывали к Пилату. Так?

— Так! — удивленно ответил Алекс.

— Он сказал, что помилует одного из троих?

— Так. А ты откуда знаешь? — Алекс снова начал горячиться.

— Спокойно, не кипятись, — ответил старик, не повышая голоса.

— Нас всех троих собирались отвести к нему. Но Крысобо́й посмотрел на меня и решил не утруждаться. Пилату тоже неприятно было бы лицезреть мою немощь. Я хорошо его знаю: тщеславен, но не сатрап. Так мне всё и рассказали. Я давно здесь сижу. Просто вы были заняты собой и не смотрели по сторонам.

— Подожди. Значит, ты третий? — затараторил Алекс.

— Ну да!

— Точно! Он сказал: из троих, — воскликнул тот. — Ещё хуже. Одного уже не уговоришь умереть, а теперь и с тобой разбираться... — Он словно не замечал, что думает вслух.

— Кто ты такой? Как сюда попал? Где всё это время был?

— Повторяю, давно здесь. Вам было не до меня.

— Нет, меня не проведёшь! Это подстава. Инсценировка!

Вы в сговоре. Я вас раскрыл! Сволочи!

— Успокойся! — твёрдо сказал старик и зашёлся кашлем.

Рой молча наблюдал. Алекс, который недавно казался дружелюбным, теперь напоминал загнанного зверя. Ради спасения он готов был переступить через каждого. Пот стекал по лицу, мокрые волосы липли ко лбу. Ярость сменялась ужасом, отчаяние — новой вспышкой злобы.

Рой едва справлялся с собственным страхом, а Алекс уже почти не понимал, что делает. Казалось, он обвинит кого угодно, лишь бы не встретиться с итогом своей жизни.

Рой прикрыл глаза: разболелась голова. Старик перевёл дыхание и снова заговорил.

— Не бесись. Возьми себя в руки. Посмотри на товарища: спокоен как удав.

Алекс даже не посмотрел на растерянно стоявшего Роя.

— Как успокоиться? — спросил он осипшим голосом. — На кону моя жизнь. Не хочу умирать. Неужели непонятно? Он понурил плечи, закрыл лицо руками и разрыдался.

— Вы не понимаете, — повторял он. — Почему не понимаете?

— Слезами горю не поможешь, — мягко отозвался старик. — К тому же я вам не соперник. Посмотрите на меня: много ли осталось?

Рой подошёл к Алексу и взял его за плечи. Тот повернулся и уткнулся ему в грудь. Рой чувствовал, как вздрагивает его тело. Он ждал, пока товарищ выплечется, затем отвёл к стене и усадил рядом с собой.

Необъяснимое спокойствие овладело Роем. Он посмотрел на старика и спросил:

— Кто ты? Как попал сюда? И откуда знаешь Пилата?

Незнакомец собрался с силами и спокойно ответил:

— Похвальное самообладание. Даже неожиданно. Меня зовут Иоанн. Но когда-то я был таким же Алексом, как вы оба. Да, не удивляйся. Твоё лицо многое говорит. Теперь вам проще будет понять мой рассказ.

— Давным-давно я жил в похожей деревушке. Элен, родители, таверна — всё, как у вас. Однажды к нам заглянул Рой. Я тоже согласился на обмен, но сюда попал не сразу. Обжился в его поместье и отправился путешествовать. Деньги и связи позволяли. Изучил карты, расспросил бывалых людей, подобрал команду, заготовил припасы. Постарался подготовиться и телом, и духом.

— Долго странствовал. На нас нападали разбойники, нас трепали штормы. Мы теряли провиант и проводников, плутали. Но я всё же добирался до цели. Мне открывались затерянные города и племена, забытые знания и артефакты. В одном монастыре посвятили в тайну философского камня, превращающего всё в золото. В другом открыли секрет вечной жизни. Хотя, как видите, я стар и беден.

Иоанн сипло рассмеялся, немного разрядив обстановку. Рой вслушивался, боясь пропустить хоть слово. Этот человек пережил всё, о чём он сам мечтал, но упустил за кутежами.

— В хранилище заброшенной цитадели, — продолжил старик, — я и узнал о Неупокоенном. Когда-то там процветало могущественное царство. От него остались лишь руины и записи.

— О ком? — переспросил Рой.

Сидевший рядом Алекс опустил голову на руки и словно перестал слышать. Сокамерники продолжали разговор.

— О Неупокоенном. Наберись терпения. В древнем манускрипте рассказывалось о человеке, который веками бродит по миру, отыскивая молодые, неокрепшие души. Проклятый людьми и отвергнутый смертью, он ищет покоя. Его тело стареет, дряхлеет от времени, болезней и лишений, а умереть он не может.

— Он пытался снять проклятие, пускался на любые безумства, но тщетно. Тогда, пользуясь даром обмена, начал завлекать непорочных и занимать их тела. Однако не навсегда. Лишь до тех пор, пока хозяин не потребует тело обратно.

— Значит, можно вернуть? — торопливо перебил Рой.

— Не всё. Из прочитанного я понял: хозяин должен лично потребовать своё и повторить рукопожатие с артефактом между ладонями. Неупокоенный не смеет отказать. Но возвращается не только тело — возвращается и время. Сам пе-

режитый отрезок исчезает вместе с опытом и знаниями.

— Я не исключаю, что и Алекс однажды согласился на обмен, а потом вернул прежнюю жизнь. Забыл пережитое и снова пошёл искать Роя. Но почему все дороги приводят нас в эту камеру? Где мы ошибаемся? Или это путь, который каждому суждено пройти?

— Хочешь сказать, наш Рой — Неупокоенный? — Молодой узник вытаращил глаза на Иоанна.

— Судя по тому, через что довелось пройти мне и вам.

— Но как это возможно? Хотя после всего... — Он запутался. — А ты? То есть он...

Рой не знал, с чего начать.

— Кто он такой? Откуда взялся?

Иоанн пересказал то, что удалось узнать из манускрипта. Неупокоенный прежде был обычным человеком. Он преданно служил Спасителю человеческих душ и сопровождал его в странствиях. Учитель заметил невзрачного человека в толпе, согрел заботой, и тот всей душой ответил на добро.

Но ученик хотел быть единственным, кто достоин этой любви. Другие страждущие вызывали в нём ненависть. Он ревновал Учителя, сердился на его заботу о людях. Увещевания лишь раздражали. Почитание, которым окружающие воздавали Учителю, подтачивало самолюбие ученика.

Последней каплей стала любовь. Красота Марии заморозила ученика. Ему льстила мысль, что именно он спасёт отвергнутую девушку, оказавшуюся в безвыходном положе-

нии.

Но Учитель закрыл её собой от ударов и камней. Мария ответила ему благодарностью и любовью. Увидев их вместе, ученик возненавидел и себя, и Учителя, и весь мир. Он пустился во все тяжкие. Сладострастие, обжорство, хмель — всё годилось, лишь бы не думать.

Расплата пришла вместе с трезвостью и стражей. Бывшего ученика сломило малодушие. Этим воспользовался Первосвященник. Погрязший в казнокрадстве и распутстве, он искал, на кого переложить вину и отвлечь внимание от себя. Его наймиты разыскивали падшего ученика и побудили оговорить Учителя.

Ему сулили богатство, почёт, внимание женщин. Одновременно угрожали судом за собственные преступления. Поддавшись и посулам, и страху, он выдал Учителя страже.

Первосвященник возложил на него все грехи и отправил на заклание. Оклеветанного Учителя истязали и жестоко казнили. Но и перед смертью тот не отрёкся от добра, проповедуя всепрощение и милосердие.

Ученик не выдержал тяжести предательства и повесился. Однако Смерть отказалась запятнать себя прикосновением к нему. С тех пор он бродит по свету с меткой на ладони — отпечатком монеты, взятой за предательство.

Первосвященник воспользовался его лжесвидетельством, укрепил власть и превратил историю падшего ученика в наизидание малодушным. Позднее и он сам стал жертвой изме-

ны. Судьба вернула ему порождённое им зло.

Рой сидел с открытым ртом. Алекс тоже поднял голову и теперь не сводил глаз со старика. Иоанн устало переводил дыхание. Грудь вздымалась всё чаще, из неё вырывался хрип. Силы покидали его.

— Значит, этот проклятый и есть Рой? — не своим голосом спросил Алекс. — Всё ещё бродит по свету? Для чего?

— Не знаю. Рассказал, что прочёл.

— Но может в написанном было решение? — хрипло спросил Рой.

— В записях Петра было лишь это. Они вместе следовали за Учителем. Сам Пётр пережил нечто подобное, но рассказал о своём поступке урывками. Может быть, он понял слабость товарища, однако сам пошёл дальше, испив чашу до дна.

— Последнее, о чём он поведал: отвергнутый ищет нетронутые души и тела, чтобы занять чужое место. Любить чужих женщин, растить чужих детей, есть и пить в чужой семье. О цели скитальца Пётр мог лишь догадываться. Но я понимаю такую тоску. Вечная жизнь лишает человека простых радостей, которые смертным кажутся незначительными. До тех пор, пока не придёт смерть.

— По себе знаю. Сколько времени потратил на бег за богатством, властью, знаниями! Скольким пожертвовал! Всю жизнь положил на алтарь тщеславия.

Слёзы потекли по морщинистому лицу. Переведя дыха-

ние, он продолжил:

— Исколесил мир и вернулся в столицу с почестями, знаниями и находками. Рой, таверна, родители, Элен — всё осталось в позабытой прежней жизни. Я уже не думал о доме. Голова кружилась от успеха. Женщины подстерегали на каждом шагу, засыпали любовными письмами. Каждую ночь проводил с новой возлюбленной. Каких только не было... Эх.

Воспоминания взволновали его. Он помолчал, успокаиваясь.

— Передо мной открывались закрытые клубы и общества. В мою честь давали балы. Учреждения носили моё имя. Открытия я посвящал властителям и девушкам. И утратил всё, что воспитал в походах. Забыл товарищей, деливших со мной тяготы. Вместо скромности — обжорство, женщины и роскошь. Я ловил лесть, злился на правду старых друзей, глож к просьбам о помощи. Боже, как низко пал.

Лицо Иоанна исказилось от страдания.

— И всё-таки здравого смысла я до конца не утратил. Кутежи надоели, излишества перестали радовать. Воздержание и старые привычки взяли верх. Оглядевшись трезво, я увидел: льстецы морочат голову ради денег и славы. Правители используют мои открытия в своих корыстных целях. Высшее общество погрязло в пороках.

— Тогда я узнал Каифу по-настоящему. Простой алтарник, он недюжинным умом и хитростью пробился в Перво-

священники. Научился находить подход и к толпе, и к властителям. Подчинённых обирал беспощадно, у влиятельных людей брал щедрые дары. За деньги и власть готов был предать суду любого.

— Вместе с первым министром и другими сановниками он устраивал закрытые празднества. Там собирались родовитые вельможи, богатейшие предприниматели, знаменитости и принцы крови. Меня тоже пригласили. Я увидел насилие, унижения и ритуальные убийства. Среди жертв были дети. Всё совершалось ради развлечения и власти.

— В надежде открыть императору глаза я добился личного приёма. Как же ошибался! Он знал обо всём. Сам тайно присутствовал на этих сборищах, наблюдал и наслаждался чужим страданием. Я доверился ему, а он отдал меня тем, кого я пришёл разоблачить.

— Они объявили, будто я погиб случайно. Из моего имени сделали знамя, прославляющее их порядок. А меня похоронили заживо в этой камере. Отняли всё, даже имя. Здесь я существую под прозвищем Иоанн. Горе вам, сластолюбцы. Придёт и ваш час.

Рой и Алекс потрясённо молчали. Первым опомнился Рой:

— Значит, ты тоже Рой? Как я?

— Ну, да!

— И у тебя тоже есть метка?

Иоанн раскрыл правую ладонь. На ней темнело клеймо с

изображением незнакомой монеты.

— Одна из тех, что Неупокоенный взял за предательство,
— глухо сказал он.

Вид старика всё сильнее тревожил Роя.

— Береги силы, старик, — сказал Алекс.

— К чему? Я слишком долго прожил. Здесь уже потерял счёт времени. Сколько таких, как вы, прошло через эти стены! Одни упивались падением, другие от отчаяния кончали с собой. Кто-то превращался в подобие человека. Кто-то жил обманом и иллюзиями: мечтал о достатке, но не хотел меняться. Вместо труда выбирал хитрость.

— Безделье, уныние, страх перед карой толкали на новые подлости ради любой поправки. Искажали себя и заражали остальных словами. Сколько горя я узнал здесь! По ночам в коридорах раздавались стоны, крики, удары в двери. Мольбы о помощи, о пощаде... Всё это и теперь стоит в ушах.

— Я тоже очерствел. Но здесь же обрёл спасение духа. Трудности закалили характер. Открыл в себе милость к нуждающемуся, прощение оступившегося, понимание. Свой век я прожил. Теперь ваше время искать ответ: как выйти из порочного круга?

— Нас приводит сюда отступление от правого дела. Какими бы дорогами ни шли, после падения попадаем в Чистилище. Почему Рой выбрал нас? Это предстоит понять одному из вас. Я не жилец и не соперник. Мы вообще друг другу не соперники.

Он посмотрел на старшего Алекса:

— Больше сочувствую тому, кто пойдёт дальше. Наверное, тебе.

— Но почему? — удивленно спросил Рой.

Алекс удивлённо посмотрел на Роя. Тот принял слова Иоанна спокойно, без возражений. Такая покорность смерти не укладывалась у Алекса в голове.

«Как они могут?» — думал он.

«Неужели не страшно, не хочется жить? Старик, наверное, выжил из ума. Но Рой молод, всё впереди. Конечно, хорошо, что они так решили. Не о чем тревожиться. Почему же мне так паршиво? Не стоит думать. Это их выбор. Главное — выбраться. А там...»

«Что там?» — спросил внутренний голос.

«Дом и семья. Я могу вернуться. Никогда не поздно. Элен примет».

«А если нет?» Алекс поспешно ответил себе: «Убежу. Скажу, что справился».

«А если не поверит?» — не отставала совесть. «Тогда пойду к Нелли. Она давно на меня заглядывалась. Девка знатная, хозяйственная. Её отец держит в деревне скотину».

«А если занята? Или не примет?»

«Тогда вернусь в столицу. Стану путешествовать, как Иоанн».

«Не обманывай себя. На какие шиши?»

«В лучшем случае — до следующей тюрьмы. Или до клад-

бища. Ты ведь ничуть не изменился».

«Что за глупости? Всё будет хорошо. Чувствую!»

«Ну-ну. Чувствует он».

«Да чтоб тебя! Замолчи. Хватит!»

Его размышления прервал тихий голос Иоанна.

— Он слаб, — говорил старик Рою. — Рад моим словам, даже твоего ответа не дождался. Не понимает, что впереди. Цепляясь за жизнь, толкает себя к пропасти. Может потерять душу.

— Я не лучше. Мне тоже страшно. Почему же я?

— У него страх смерти, а у тебя — жизни. Ты готов всё бросить, лишь бы не мучиться. Но это ещё не мужество. Я не вправе выбирать за тебя, Рой. Подумай сам: ты хочешь спасти его или только покончить со своим страхом?

— Алекс сейчас цепляется за жизнь. Может, выйдя, погубит себя ещё сильнее, но у него останется возможность измениться. А у тебя? Что ты выберешь и почему? Решать скоро. За вами придут.

Рой смотрел в пол и обдумывал услышанное.

— Почему? — глухо спросил он словно себя. — Я только хотел увидеть мир. Поспешно уехал, разозлился на Элен, поддался лести Чрево, связался с Винер. Сам отдался пороку. Заблудился, виноват. Но никого не хотел убивать! Даже не помню, как это случилось. Никому не желал зла — и вот я здесь. За что?

Иоанн устало наблюдал за ним. Потом собрался с силами:

— Не знаю. На свои вопросы у меня тоже нет ответов, только догадки. Нам выпало пройти нелёгкий путь. Нужно собраться с мужеством и осилить его. Есть ли верная дорога? Какова цель? Этого мы не знаем.

— Жизнь похожа на подъём в гору сквозь туман. Не видишь тропы, каждый шаг даётся с трудом. Собранность, упорство и терпение помогают больше, чем бахвальство, обжорство и самоуверенность. Чем выше, тем тяжелее дышать. Голова кружится — как от славы. Всегда можно сорваться.

— Устав, мы останавливаемся. Потом либо собираем силы и идём дальше, либо поворачиваем вниз. Спуск легче, но в тумане и беспечности проще сбиться с пути, угодить в яму или пропасть. Можно посвятить восхождению всю жизнь и не дойти. А можно достичь вершины. Там величественно, тихо и безумно одиноко. Холод, ветры и красота. Долго не останешься.

— Кто-то остаётся на склоне из страха. Другой уходит от усталости. А кто-то просто идёт своим путём, не заслоняя целью всё остальное. Смотрит под ноги, замечает красоту, радуется дню. Поднимается на пригорок, спускается — и вдруг выходит из тумана. Перед ним плодородная долина, где можно найти покой.

— Что здесь судьба, а что заблуждение? Не знаю. Наверное, всё вместе. Нам дано раскрывать себя без конца: и хорошее, и дурное. От этого становимся счастливее или злее. Человеку нужно обычное счастье, а понять столь простую

истину порой удаётся лишь после долгого странного пути.

— Иногда это понимание сродни подвигу, милосердной жертве. Одним из первых её принял Учитель: преданный и оболганный, истерзанный, но не разуверившийся в человеке. Он понял слабость и простил. Вера в лучшее, выросшая из любви, дала надежду. С ней он ушёл, чтобы вернуться в другом образе.

— Перерождение. Из тлена и грязи, из тьмы и хаоса прольётся свет. Такой свет мы сможем принять: он прошёл через то же, что и мы.

Иоанн закашлялся. В груди заклокотало, он тщетно попытался вдохнуть. Голова откинулась к стене. Рука, прижатая к сердцу, упала. Тело свела короткая судорога, затем оно обмякло. Старик сидел неподвижно, с открытыми глазами. Лицо успокоилось.

— Преставился, — сипло произнёс Алекс.

— Что? — переспросил Рой.

— Умер, — спокойно ответил Алекс. — Отмучился. Остались только мы.

— А. Да, — рассеянно ответил Рой.

— Ну что, надумал? — спросил Алекс.

— По поводу?

— Не строй из себя дурака! — вскипел тот. — Готов умереть?

— А-а... Нет, ещё думаю, — иронично отозвался Рой.

— Как это? Ты же говорил, что готов!

— Не припомню, — съязвил Рой.

— Вот ты...

— Что я?

— Да пошел ты!

— Ну и пойду, — нарочито язвительно ответил Рой. —

На свободу!

— Это мы ещё посмотрим, — пробурчал Алекс.

— Посмотрим, — вызывающе ответил Рой.

Алекс вскочил и пересел в другой угол. Между ними остывало тело Иоанна. Тревога вновь захватила Роя. Чем дольше он думал над словами старика, тем сильнее раздражался.

«Почему выбрал меня? — думал Рой. — Решил, что я трус? А кто не боится смерти? Безумный старик. Я хочу жить. Ради кого должен собой жертвовать? Ради него?»

Алекс сидел в углу, обхватив колени и склонив голову. Он медленно раскачивался, погружённый в себя.

«Он наверняка выберет себя, — продолжал думать Рой. — Почему я должен выбрать его? Чем лучше меня? Старик и сам видел, что хуже. А я смогу всё вернуть. Недавно уехал, потребую своё тело...»

Он вспомнил, что тогда забудет пережитое. «И стану таким же Алексом? Замкнутый круг. Я — он, он — я, мы — Иоанн. Нет! Я могу выбрать другой путь. Но где уверенность, что получится? Старик тоже надеялся, а просидел здесь вечность. В темноте, голоде, холоде».

Рой попытался собраться. «Никто не доказал, что я — это они. Я — это я. Есть шанс выжить, вот что точно. Если Пилат не солгал. Да, шанс. Но вдруг потом стану им?»

Он посмотрел на Алекса, затем на Иоанна. Много лет мучений в каземате. Или бегство от семьи, которое он уже совершил. А ведь могло быть и хуже. От этих мыслей голова словно раскалывалась.

Тело ломило, его бросало то в жар, то в озноб.

«Как я устал, — думал Рой. — За что мне всё?»

«За трусость и слабость, — отозвался внутренний голос. — За бегство, пьянство, неумеренность. Наконец, за убийство».

«Не хотел. Случайно вышло».

«Ну да», — съязвила совесть.

«Я был пьян!»

«Этим и успокаивайся. Лучше подумай о себе. Это у тебя хорошо получается».

«О ком же ещё?»

«Ни о ком».

«Хватит издеваться».

«Ты сам над собой издеваешься. Посмотри: вон сидит одна из версий тебя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.